

КАЛЛИОПА

СУДЬБА И УЧАСТИЕ

«Я не видал, чтобы рынок и улицы были так пусты.

Будто метлою прошлись по городу нашему, будто

Вымер он... Жителей в нем и полсотни, кажись, не осталось: Что любопытство творит! Полетели вперед, как шальные.

Чтобы хоть глазом взглянуть на обозы беженцев бедных.

Добрый час до пути, где печальные тянутся фуры,

Но устремилась толпа, задыхаясь от зноя и пыли.

Я же с места не сдвинусь, чтоб видеть злосчастную долю

Честных людей, принужденных тащиться с добром уцелевшим.

Бросив родные места за Рейном, к нам перебраться,

В мирные наши углы, и по этой цветущей долине

Путь совершать, повинясь изгибам ее прихотливым.

Ты поступила похвально, жена, что по добросердечью

С сыном послала одежду, а с ней кое-что из съестного

Людям, попавшим в беду. Пособлять — добродетель имущих.

Ишь, как малец покатыл, как славно правит конями!

Знаешь, неплох шарабан! Новехонек, прочен, удобен.

Четверо в нем поместятся да спереди кучер на козлах.

Нынче один он поехал и тут же свернул в переулок», —

Так, опустясь на скамью у дома, насупротив рынка,

Молвил супруге довольный хозяин «Льва золотого».

И отвечала хозяйка разумно и простосердечно:

«Я расстаюсь, муженек, неохотно с тряпицею каждой.

Мало ль что может случиться — ее и за деньги не сыщешь, Ежели надобность будет. Сегодня ж с открытой душою

Много я собрала рубашек и старого платья.

Нитки живой, говорят, на тех бедняках не осталось.

Я повиниться должна. Ведь кое-чего не хватает

И у тебя в гардеробе... Хотя бы халата из ситца

В пестрых индийских цветах, на фланелевой теплой подкладке.

Знаешь ли, он прохудился и стар, да и вышел из моды».

Но отвечал, усмехаясь, жене добродушный хозяин:

«Все-таки жаль мне халата: хоть старенький был он, признаться, Да настоящий, индийский. Такого теперь не достанешь.

Бог с ним, его не носил я. Ведь нынче хотят, чтоб мужчина, Встав, надевал сюртук, в длиннополый кафтан наряжался, Ногу сжимал башмаком — не в чести колпаки и пантофли».

«Глянь, — возразила жена, — уже возвращаются люди

С гракта большого. Должно быть, обозы проехали дальше.

Как башмаки у всех запылены! Как покраснелись

Лица... Бредут, отдуваясь, фулярами пот утирая.

Нет уж, так далеко, да в жару, на зрелище это

Не побегу я глазеть. С меня и рассказов довольно!»

Многозначительно глянув, в ответ отозвался хозяин:

«Ну, не скажи! Погода отменная нынче для жатвы,

Хлеб мы сухим уберем, как сухим недавно убрали

Сено. На? небе ясном и тучки нет на примете.

И спозаранку хлеба ветерок овевает прохладный.

Установилась погода. Пшеница наша доспела.

Завтра снимать урожай мы примемся, с помощью божьей».

Так говорил он; меж тем обыватели шли через рынок,

Всё прибывая в числе, по домам растекаясь неспешно.

Вот и сосед с дочерьми пересек оживленную площадь,

Резвых коней осадив у ворот подновленного дома,

Наискосок от трактира. Купец богатейший в округе,

Ехал он в легкой коляске (гандауской чистой работы).

Людными улицы стали, то был городок населенный.

Много в нем фабрик имелось, ремесла в нем процветали.

Так у ворот сидела чета, благодушно толкуя,

Острым словечком порой забавляясь насчет проходящих.

Тут обратилась к супругу хозяйка достойная, молвив:

«Видишь, пастор идет, а с ним и почтенный аптекарь,

Добрый сосед наш. От них до подробности все разузнаем, Что им увидеть пришлось и что видеть не радует сердца».

Дружески оба они подошли и чете поклонились,

На деревянную лавку под вывеской самой присели

Пыль с башмаков отряхнуть, обмахнуться платками от зноя.

После приветствий взаимных аптекарь, молчанье нарушив, С видом достаточно хмурым взглянул на прохожих и начал: «Люди всегда таковы. Меж ними различья не вижу —Рады пойти поглазеть, если с ближним беда приключится.

Каждого тянет взглянуть на свирепое пламя пожара

Или потешиться страхом преступника, ждущего казни,

Так вот любой и нынче бежит поглядеть на несчастье

Беженцев бедных, а сам-то и в мыслях того не имеет,

Что испытаньям таким подвергнется тоже, быть может.

Грех столь беспечным быть, но это сродни человеку».

Но возразил благородный и мудрый священнослужитель,

Юноша, близкий к поре возмужанья, города гордость,—

Жизнь он познал глубоко, разглядел ее скрытые нужды

И, просветленный высоким значеньем Святого писанья

(Этим ключом к помышленьям и судьбам существ человеческих), Также изрядно знал и лучшие книги мирские,—Он-то и молвил: «Не слишком суров я к стремленьям невинным, Коими добрая мать-природа людей наделила:

Разуму и пониманью порой нелегко подступиться

К сути вещей, до которой доходим наитьем счастливым;

Если бы не любопытство с его притягательной силой,

Разве б открыл человек чудесное соотношенье

Разных частей мирозданья? Сначала он к новому рвется, После — полезного ищет с прилежностью неутомимой

И, наконец, приходит к добру, свой дух возвышая.

В юности спутник веселый — беспечность — пред ним заслоняет

Близящуюся опасность, врачует любые недуги,

Ранам несет исцеленье, лишь горе от сердца отляжет.

Ясно, того предпочтешь, кто сумел в дальнейшие годы

Этой веселости духа разумное дать постоянство

И к своему неослабно стремиться в счастье и в бедах,

Горечь утрат возмещая вовек нескудеющим благом».

Пастора мягко прервала, томясь нетерпеньем, хозяйка:

«Что там видали — скажите? Об этом узнать я хотела!»

«Трудно мне будет, — ответил с внушительной миной аптекарь,—После того, что я видел, вернуться к веселости прежней, Разве кто сможет поведать о разнообразных мытарствах?

Мы еще в дол не спустились, как стала видна в отдаленье

Пыль над проселком. Чредой от холма до холма бесконечно

Фуры тянулись. В пыли ничего различить не могли мы.

Только достигнув дороги, впродолжь прорезавшей долину,—В гуще возов и людей мятущихся мы очутились.

Много еще перед нами прошло горемык бесприютных,

Здесь-то мы и узнали, как тяжко и горько изгнанье

И до чего хорошо сознавать, что жизнь уцелела.

Больно было, друзья, смотреть на скарб всевозможный.

В доме его не заметишь, затем что добрый хозяин

Все порасставит умело да с толком, чтоб каждая мелочь

Сразу была на виду, — все будет на пользу, сгодится,—Нынче, любуйся, все это нагромождено на подводы,

Без толку, как приведется, накидано в бегстве поспешном!

Шкаф, а на нем решето с шерстяным одеялом в соседстве.

Выпер матрац из корыта, а зеркало под простынею.

Ах! Как мы видели это лет двадцать назад на пожаре:

Страх до того людей лишает ума, что нередко

Ценное бросят они, а безделицу из дому тащат.

Так же, глядишь, и теперь с неразумным усердием люди

Всякую рухлядь везут, лишь коней да волов утруждая:

Бревна гнилые да бочки, насесты для кур и кастрюли...

Женщины и ребятишки плетутся, под ношей сгибаясь,

Тащат узлы, кадушки, набитые хламом ненужным.

Да, человеку трудненько с последним добром расставаться.

Так, в беспорядке, в смятенье, дорогой знойной и пыльной, Длинный тащился обоз: одни, на заморенных клячах,

Ехать шажком норовят, другие коней понукают.

Вдруг мы услышали вопли детей и женщин теснимых,

Рев и мычанье скота, вперемежку с лаем собачьим,

Охи и стоны больных, мольбы стариков, что высоко

Поверху всяческой клади мотались на жестких матрацах.

Ибо, свернув с колеи, телега в обочину ткнулась,

Резко скрипя колесом; накренилась вдруг и в канаву

Рухнула. В этот же миг людей, закричавших от страху,

Всех на дорогу швырнуло, но, к счастью, никто не убился,—Вслед сундуки повалились, но ближе к подводам упали.

Впрямь показаться могло свидетелям дела такого,

Что горемычных бедняг сундуки и шкафы передавят.

Так-то сломалась подвода и на поле люди лежали,

Но напрямик остальные свой путь продолжали поспешно,

Общим потоком влекомы и лишь о себе помышляя.

Кинулись мы на подмогу — и видим: больные и старцы,

Те, для которых и дома страдания долгие были

Невыносимы, стена, лежат на земле расprostерты,

На солнцепеке полдневном, в сухой удушливой пыли».

Тронутый речью такой, отвечал сердобольный хозяин:

«Хоть бы их Герман нашел и помог им платьем и пищей.

Я б не хотел их видеть. Мне тяжело быть зрителем горя.

Только прослышав о нем, мы растрогались и, не помедлив, Малую лепту от наших излишков отправили, чтобы

Помощь подать хоть немногим и этим себя успокоить.

Но для чего воскрешать картины печальные? Разве

Страх иль забота подчас и так не терзают нам душу?

Мне же такая напасть и самого зла ненавистней.

В комнату заднюю лучше пройдем, там, кстати, прохладно, Солнце там не гостит и жарница сквозь плотные стены

Не проникает нисколько, а матушка полную чарку

Сорокалетнего нам принесет, чтоб забыться могли мы.

Здесь не успеешь и выпить, как мухи обсядут стаканы».

И удалились они и прохладой себя усладили.

Вот принесла им хозяйка вина стародавнего в темной
И засмоленной бутылке на цинковом круглом подносе,
Зеленоватые рюмки, в которых ренвейн золотится.
Чинно уселись втроем они за коричневый, прочный
Отполированный стол, приросший ножками к полу.
Звякнули рюмками тотчас сердечный хозяин и пастор,
Только аптекарь сидел, склонившись в раздумье глубоком.
И обратился к нему хозяин с приветливым словом:
«Ну-ка, сосед, отхлебни. Покуда нас от несчастья
Бог бережет и в своем милосердии не покидает.
Всяк согласится, что с дней приснопамятной кары господней, Испепелившей наш город, к нам был благосклонен всевышний; Нас он берет
неустанно, как мы охраняем от порчи
То, что всего драгоценней, — зеницу нашего ока.
И неужели ж он впредь не будет к нам милостив также?
Только в опасностях мы познаем вседержителя силу.
И неужели ж тот город цветущий, который недавно
На пепелище возвел он руками граждан прилежных,
Вновь он сметет, чтобы прахом пошли все наши усилья?»
Бодро заметил на то примерный священнослужитель:
«Веруйте в господя твердо, пребудьте тверды в убежденьях, Ибо и в счастье они укрепляют наш дух, а в несчастье
Нам облегченье несут, утешая прекрасной надеждой».
И отозвался на это хозяин разумно и веско:
«Как я глядел умиленно на волны могучего Рейна,
Если по сделкам торговым случалось к нему приближаться!
Мне он огромным всегда представал, мой дух возвышая.
Но не гадал я, не думал, что этот излюбленный берег
Вскорости валом послужит, чтоб сдерживать натиск французов, Рвом защитительным станет его величавое русло.
Как ограждает природа, как немцы страну ограждают,
Так и господь оградит нас, — кто в этом дерзнет усомниться?
Всех утомила вражда, и чуется мир недалеко,
Эх, кабы только дожждаться счастливой минуты, как в церкви
Колокола и орган в честь праздника с трубами вкупе
В хор сладкозвучный сольются, напеву вторя «Te Deum»:[1]
Рад бы я был, если б Герман в тот день предстал перед вами
У алтаря со своею невестою, пастор любезный,
Чтобы торжественный день, встречаемый всею странюю,
Стал мне отраден вдвойне, как собственный праздник семейный.
Как-то неловко глядеть на взрослого парня, который

Дома всегда расторопен и боек, но робок на людях.

С ними якшаться ему, видать, удовольствия мало,

Даже девичьего круга чуждается он, равнодушный

К танцам изящным, юность влекущим к себе неизменно».

Так рассуждая, он слушал внимательно; вдруг издалека

Топот послышался конский, колеса вдали застучали,

И, грохоча, экипаж подкатил с разбегу к воротам.

ТЕРПСИХОРА

ГЕРМАН

Только в раскрытых дверях показался сын благонравный, Тотчас же пастор в него пронизательным оком взгляделся, Весь его облик окинул, следя за его поведением,

Как наблюдатель, привыкший читать сокровенное в лицах, И, озаряясь улыбкой, приветливо юноше молвил:

«Вас подменили как будто, досель не случилось ни разу

Видеть веселость такую в глазах ваших, в каждом движении!

Чем-то вы очень довольны! Должно быть, этим несчастным

Роздали вы подаянье и радостью их умилились».

Скромно на эти слова отвечивал юноша чинный:

«Стою ли я похвалы — не знаю, но мне повелело

Сердце так поступить, как рассказ мой об этом покажет.

Матушка, вы, извините, так долго тряпье мне искали,

Узел с таким опозданием сготовили мне на дорогу,

Пиво, вино и съестное столь бережно клали в корзины,

Что не успел я далеко отъехать от нашего дома,

Как потекла мне навстречу толпа горожан любопытных —

Жены, ребята. Уж были изгнанники в поле далеко.

Я лошадей подхлестнул и быстро помчался в деревню,

Где беглецы, как слышал я, намерены стать на ночевку.

Только свернул я с пути на проселок, как вдруг заприметил

Фуру из крепких жердей, неспешно влекомую парой

Крупных и дюжих волов иноземной, как видно, породы.

Девушка рядом шагала, привычно и мерно ступая,

Длинным бичом на ходу понукая сильных животных.

То их подгонит вперед, то движеньем сдержит умелым.

Выждав, пока экипаж поравнялся с медлительной фурой,

Девушка молвила мне: «Поверьте, подобного горя,

С коим встречаетесь вы, доселе судьба нам не слала.

Мне подаянье просить еще не привычно, тем боле

Что подают его часто, чтоб нищего только спровадить.

Все ж заставляет нужда говорить. На охапке соломы

Нынче жена богача от бремени тут разрешилась.

Мука была для нее на волах по ухабам тащиться.

Мы потому и отстали, что еле дышит бедняжка,

Новорожденный лежит нагишом у нее в изголовье,

Только немногим помочь ей наши попутчики могут,

Если в ближайшей деревне, где мы ночевать собирались, Нам их удастся найти, — но боюсь, что они уж в дороге.

Может быть, лишний кусок холста раздобудете; если

Неподалеку живете, тогда помогите несчастной».

Так говорила она, и, бескровная, силясь подняться,

Взор обратила ко мне роженица. И отвечал я:

«Добрым сердцам вседержитель воистину часто внушает

Мысль о нужде, предстоящей неведомым нашим собратьям: Матушка, будто предвидя такую беду, мне вручила

Разного платья, чтоб я оделил им нагих и бездомных».

Узел я вмиг распустил и, сверток раскрыв, ей отцовский

Подавал халат и вдобавок холстины ей дал и рубашек...

Женщина, вся просияв, вскричала: «Не верят счастливы, Что на земле чудеса и ныне творятся. Лишь в горе

Видишь всевышнего перст, указующий людям дорогу

К добрым делам. Через вас помог нам господь, и на вас же

Милость прольется его». И ощупывать стала холстину

И восхвалять, особенно подкладку из теплой фланели.

«Время не терпит, — заметила девушка, — едем в деревню, Где до утра на привале пробудут попутчики наши.

Там смастерю для ребенка я всякую всячину за ночь».

Снова и снова меня поблагодарив на прощанье,

Дюжих стегнула волов, и фура поехала. Я же

Наших сдержал лошадей, размышляя, как быть: самому ли

Ехать мне в эту деревню и там съестные припасы

Между людьми разделить иль сподручнее тут же на месте

Девушке все передать, чтоб голодных сама оделила.

Но, порешив на втором, я тронул коней и поехал

Следом за нею, догнал и сказал торопливо: «Простите,

Добрая девушка! Вот я опять. Не одну лишь холстину

Мать уложила в коляску, чтоб мог приодеть я нагого,

Не позабыла она о съестном и напитках различных.

В ящике, что позади, — того и другого немало.

Я и надумал: вручу тебе и эти подарки.

Так-то я лучше всего свое порученье исполню.

Ты их со смыслом раздашь, а я — положившись на случай».

Девушка мне отвечала: «От сердца вам обещаю
Вправду порадовать ими того, кто нуждается больше».
Так мне сказала она. Поспешил я к задку экипажа,
Хлеба ковриги извлек, тяжелые вынул колбасы,
Фляги с вином и пивом и передал девушке в руки.
С радостью дал бы еще, но уже ничего не осталось.
Все приношенья у ног роженицы та уложила
И поспешила в деревню, а я повернул себе в город».
Только Герман замолк, как вмешался в беседу аптекарь
Словоохотливый: «Счастлив, кто в годы смуты, скитаний
И неурядиц живет один-одиношенок в доме.
Тот, в ком жена и малютки в тревоге не ищут защиты.
Мне это кажется счастьем! Да я ни за что б не решился
Нынче отцом называться, дрожать за жену и детишек.
Верите ль: неоднократно подумывал я об отъезде,
Лучшее в путь отбирал — старинные деньги и броши,
Матери милой наследство, — из них ничего я не продал.
Правда, со многим пришлось бы расстаться как с бременем лишним, Даже с лекарственной травкой, добытой с такими трудами.
Было б и этого жаль, хоть стоит она и бесценно.
Если останется в доме провизор — уйду я спокойно.
Спас я наличные деньги и брэнное тело, так, значит,
Все спасено! Не в пример одинокому легче укрыться».
«С вами, сосед, — возразил убежденно юноша Герман,—
Я не согласен. Мне речи подобные дики и чужды.
Тот не мужчина, кто в счастье и бедах, ниспосланных свыше, Думает лишь о себе, не стремится ни грусть, ни веселье
С ближним делить и к тому побужденья не чувствует даже.
Именно в наши дни я б охотно на брак согласился,—
Сколько достойных девиц нуждается в мужней опоре,
Сколько мужчин без жены лишено утешенья в несчастье».
Молвил с улыбкой отец: «Вот это мне радостно слышать, Речью приятной такой ты родителей жаловал редко».
Тут перебила отца добросердная матушка, молвив:
«Правда твоя, сынок, — поступай, как мы поступили,
Ибо нашли мы друг друга не в пору довольства и счастья.
Узами крепкими нас злополучное время связало.
Был понедельник — отлично я помню, ведь накануне
Страшный случился пожар, превративший в пепел наш город
Двадцать годов назад, как раз в воскресенье, как нынче.

Жаркое выдалось время, и город совсем обезводнел,
Шел на гулянье народ, разодетый праздника ради,
Кто потянулся в корчму, кто на? поле, кто на плотину.
Где-то в предместье пожар занялся, и пламя вдоль улиц
Вихрем пустилось вперед, самое себя подгоняя...
Житницы, полные хлебом, незадолго снятым, пылали.
Улицы сплошь погорели до самого рынка. От искры
Домик отца занялся, а с ним по соседству и этот.
Самую малость спасли мы; на выгоне я просидела
Всю эту страшную ночь, сторожа сундуки и постели,
Но под конец задремала. Когда ж провозвестница утра,
Ранняя свежесть, меня, до костей проняв, разбудила,
Дым я увидела, гарь да голые стены и печи.
Сердце заныло от боли. Но солнце, обычного краше
И лучезарней, взошло и наполнило бодростью душу.
Я поспешила подняться. Меня потянуло увидеть,
Что от дома осталось и живы ли цыплята, которых
Так я любила. Не смейтесь, ведь разум-то был еще детский!
Тою порой, как я по развалинам тлевшим бродила,
Глядя на пепел и прах — на остатки от дома родного,
Ты в стороне показался, чего-то ища сокрушенно:
Лошадь застряла в конюшне, но только чернели среди щебня
Груды дымящихся бревен; скотины же — как не бывало.
Так, в нерешимости, грустно стояли мы друг против друга — Не было больше ограды, что наши дворы разделяла.
За руку взял ты меня и сказал неожиданно: «Лизхен,
Как ты попала сюда? Уходи! Обгорят ведь подошвы.
Пепел горяч, как огонь, сапоги — и то прожигает».
Ты меня поднял легко и понес по тропинке, пролегшей
Вдоль по двору. Ворота? с полукруглым сводом стояли
Там, как поныне стоят. Это все, что осталось от дома.
Наземь меня ты поставил, целуя, а я застыдилась.
Ты ж обратился ко мне с приветливой, вкрадчивой речью: «Видишь, в разоре мой дом! Останься! И новый отстроить
Мне помоги! А в ответ я отцу твоему порадею».
Я ничего не смекнула, покуда к бабушке тайно
Мать не послал ты и сговор не кончился радостной свадьбой.
И с благодарностью чистой поныне я вспоминаю
Груды обугленных балок и великолепное утро,
Давшие мне дорогого супруга. Первые годы

Страшной разруги совпали с младенчеством милого сына.

Вот почему и хвалю широту твоих побуждений,

Сын мой, что в трудные дни о невесте ты помышляешь

И не чураться брака в годину войны и разора».

Тут вмещался отец и сказал с большим оживленьем:

«Мысли такие похвальны, к тому же не вымысел праздный, Жenuшка, весь твой рассказ, — он верен от слова до слова.

Только что правда — то правда. Не каждому жребий назначен

Сызнова все начинать, о безделице всякой заботясь,

Да и не всем надрывать, как нам и другим приходилось.

Благо тому, кто в наследье устроенный дом получает,

Приукрашать лишь его остается такому счастливцу,—

Трудно начало во всем, а в хозяйстве домашнем тем паче.

Уйма вещей нужна человеку тут каждодневно.

Все дорожает — и, значит, готовь деньжонок побольше.

Вот почему на тебя уповаю, мой Герман, что вскоре

В дом отцовский введешь ты невесту с хорошим приданым, Ибо порядочный парень достоин богатой девицы.

Ведь особенно приятно, когда за жenuшкой славной

Следом явится в дом и добро в сундуках и корзинах.

Умная мать неспроста запасает для дочки полотно,

Из года в год их готовя из тонкой и прочной кудели,

Крестный, глядишь, серебро столовое приберегает,

И потихоньку отец золотые сыпает в шкатулку

С тем, чтобы девушке также порадовать было возможно

Юношу, ей предпочтенье отдавшего перед другими.

Я-то ведь знаю, как вольно жена себя чувствует в доме, Если знакомую утварь на кухне и в комнатах видит.

Скатерть своя на столе, одеяло свое на кровати.

Только невесту с достатком я принял бы в дом свой охотно!

Нищюю станет супруг презирать и начнет обходиться,

Как со служанкою, с ней, что служанкой пришла с узелочком, Люди несправедливы, а время любви скоротечно.

Да, мой сынок, ты б утешил отцовскую старость, когда бы

Ввел в свой родительский дом долгожданную дочку-невесту

Вот из того голубого, стоящего наискось дома.

Ведь богатеи-то хозяин. От лавок и фабрик доходы

Он каждодневно считает. Купец и теперь не в накладе.

Трое детей у него — три дочери. Им по наследству

Все перейдет. У старшей — жених. Второй же иль третьей

Можно еще добиваться, но надобно быть расторопней.

Будь я на месте твоём, я не стал бы раздумывать долго.

Девушку вмиг отхватил бы, как маменьку я умудрился».

Скромно отвечив Герман, отцовскою речью смущенный: «Верно, я вам не перечил в желании вашем и думал

Дочку соседа просватать. Давненько мы знаем друг друга, Сызмала вместе на рынке играли мы с ней у фонтана.

Часто от дерзких мальчишек в ту пору ее защищал я,—

Все это прошлое дело. Постарше девушки стали.

Время проводят в дому, недостойных забав избегая.

Слишком они щепетильны. Ходил я, как старый знакомый, Время от времени к ним, сообразно с желанием вашим,

Но неприятно мне было в их пышном и чопорном доме.

Там задирали меня, там выслушивать мне приходилось:

Дескать, сюртук длиннополый, сукно неказисто и грубо, Дескать, причесан нескладно, и волосы дурно завиты.

Тут и взбрело мне на ум нарядиться, подобно тем самым

Купчикам, что в воскресенье насупротив ходят, красуясь, И полушелком дрянным щеголяют целое лето.

Только я вскоре приметил, что не? к чему были старанья, Горько мне сделалось, гордость моя возмутилась, всего же

Было больней потому, что моим побуждениям добрым

Отклика я не нашел, особливо у Минхен, у младшей.

Ибо, когда напоследок явился я к ним перед пасхой

В новом камзоле, который с тех пор и висит в гардеробе, Был я не хуже других наряжен и причесан по моде.

Только вошел я, они захихикали. Я не смутился.

За клавикордами Минхен сидела, был тут же родитель.

Слушал он дочери пенье, блаженствуя, тая от счастья.

В песенке этой, однако, я многого просто не понял,

Только и слышал все время «Памина» и следом «Тамино».

Вставить словцо захотелось и мне. Лишь Минхен замолкла, Робко спросил я о тексте, об тех неведомых лицах.

Прыснули со смеху все, на вопрос не ответа. Отец же

Молвил: «Должно быть, он знает одних лишь Адама и Еву!»

Хохот общий раздался. Смеялись девушки звонко,

Юноши вторили дружно, отец за бока ухватился.

Выронил шляпу из рук я, горя от стыда, а насмешки

Не унимались кругом, что б ни пели они, ни играли.

И поспешил я домой, досадой томим, оскорбленный,

Запер камзол свой в шкафу, растрепал щегольскую завивку, Дав себе крепкий зарок — в этот дом ни ногою отныне.

Был я по-своему прав — бессердечны они и надменны.

Ходит молва, что у них я досель прозываюсь «Тамино».

Мать возразила на это: «Не должен бы, Герман, так долго

Быть на девиц ты в обиде, по сути они еще дети.

Минхен, ей-богу, добра и тебя посейчас не забыла,

Давеча лишь о тебе справлялась, ее и засватай».

Сумрачно сын отвечал: «Не знаю, уж слишком глубоко

То оскорбленье проникло мне в душу, и я не хотел бы

Видеть ее за клавиром и вновь ее песню услышать».

Вспыхнул мгновенно хозяин и голос на сына возвысил:

«Мало ты счастья принес мне! Про это не раз толковал я, Видя, как ты отдаешь предпочтенье лишь коням да плугу.

То, что работник последний у честных людей выполняет, Делаешь ты. Между тем отец твой без сына, который

Честь бы ему приносил, вращаясь средь граждан достойных.

Мать неизменно меня бесполезной надеждой кормила

С дней твоих школьных, когда не хотел ты прилежно учиться

Чтенью-письму, как другие, и в классе считался последним.

Так-то бывает всегда, если малый лишен самолюбья

И полагает излишним расти и умом возвышаться.

Если б со мной возились, как я провозился с тобою,

Определили бы в школу, держали б учителя в доме,—

Верь мне, я был бы почище хозяина «Льва золотого!»

Сын поднялся и, ни слова не молвив, направился к двери, Бледный, но с виду спокойный, а следом отец раздраженный

Бросил ему: «Убирайся, тебя-то я знаю, упрямец!

Ну, и ступай себе с богом хозяйничать, чтоб не серчал я.

Лишь на носу у себя заруби, что крестьянскую девку

В дом ко мне не введешь как жену, — с мужичьем не якшаюсь!

Жил я на свете немало и знаю с людьми обхождение —

Я господам угождаю и дамам, и всякий бывает

Мною доволен, — уж я подольститься к проезжим умею.

Но потому и хочу, чтоб невеста сполна возместила

Все, что я сделал для сына, заботы мои и расходы.

На клавикордах пусть дочка играет, и пусть в моем доме

Знать городская всегда с удовольствием, столь же отменным, Ежевоскресно бывает, как там, у соседа». Дверную

Ручку тихонько сын повернул да из комнаты вышел.

ТАЛИЯ

ГРАЖДАНЕ

Так от сердитых попреков послушный юноша скрылся.

Но продолжал отец разглагольствовать в этом же духе:

«Если чего-либо нет в человеке — того и не будет.

Вряд ли дождусь исполненья своих задушевных желаний,

Чтоб не таков, как родитель, был сын мой, а много повыше.

Ибо что случилось бы с домом, что случилось бы с городом, если

Каждый из нас не старался б поддерживать их, обновлять их

И украшать на манер иноземный, по нынешней моде.

Ведь человек не гриб, чтобы где-нибудь вылезть в овраге, Покрасоваться да сгнить на том же месте, где вырос, Бренного существования ничем на земле не отметив.

Глядя на дом, без труда угадаешь, каков здесь хозяин,—Так же как, в город въезжая, поймешь, кто его опекает.

Там, где обрушились башни и стены, где в каждой канаве

Мусор скопился и мусор на улице каждой навален,

Там, где кирпич отстает и на место его не посадят,

Балки прогнили и дом месяцами ждет не дождется

Новой подпоры, — там явно блюстители города плохи.

Где чистоту и порядок внедрять не стараются свыше,

Там привыкает легко обыватель к будничной грязи —

Так же, как исподволь нищий к лохмотьям своим безобразным.

Вот почему я хотел, чтоб теперь же Герман поездил,—

Пусть он своими глазами увидит хоть Страсбург да Франкфурт

И живописный Мангейм, где царят прямизна и опрятность.

Ибо любой, побывав в городах, просторных и чистых,

Город свой, как он ни мал, не замедлит и сам приукрасить, Разве не хвалит приезжий ворот починенных наших,

Свежеокрашенной башни, отделанной заново кирпичи?

Разве, к примеру, не славим своей мостовой иль подземных, Водобильных каналов, с которыми без опасений

Можем огонь потушить тотчас же, при самом начале?

Новшества эти у нас не с того ль пожарного года?

В ратуше я шестикратно строителем был; благодарность

И похвалы снискал обывателей добросердечных.

Всякое дело начав, до конца доводил я, а также

Планы болтливых людей, что забросить они собирались.

Так, наконец, захватило усердье всех в магистрате,

Захлопотали теперь и уже приступают к постройке

Новой дороги, что нас неразрывно свяжет с проезжей.

Но молодежь, боюсь, такой расторопной не будет,

Ибо одних влечет к щегольству да к праздным забавам,

Ну, а другие сидят но домам, забившись за печки.

Вот и боюсь я, чтоб Герман таким навсегда не остался».

Тотчас в беседу вмешавшись, разумная мать возразила:

«Знаю, всегда ты горазд принизить нашего сына,—

Вряд ли подобным путем своего ты добьешься. Не можем

Мы приневолить детей по-нашему мыслить и думать,

Мы принимать их должны такими, как бог нам послал их, С толком, с любовью растить, не глуша природных задатков.

Этот одним одарен, а другой тяготеет к иному.

Каждый призваньем своим дорожит, и по-своему каждый

Счастлив. Я сына родного хулить ни за что не позволю.

Право ж, мой Герман достоин того, что получит в наследство.

Он и отменный хозяин, и славный работник. Я верю,

Что и в совете сограждан он также не будет последним.

Но ежедневной хулой и попреками ты человека

Бодрости всякой лишаешь, как сделал, к примеру, сегодня».

Комнату тотчас покинув, она поспешила за сыном,

Чтобы его постараться найти и сочувственным словом

Приободрить хоть немного, — ведь юноша этого стоил.

Только она удалилась, промолвил с усмешкой хозяин:

«Экий чудной народ эти женщины — чистые дети!

Каждой хочется жить по собственной прихоти только,

Да потакай им к тому же, да гладь их еще по головке,

Но справедлива всегда и везде поговорка латинян:

«Кто не стремится вперед — всегда позади!» Это верно...»

Выслушав эти слова, задумчиво молвил аптекарь:

«С вами, сосед, соглашаюсь охотно, я сам постоянно

Рад улучшенью, коль это и ново и дешево стоит.

Но, извините, что пользы, мощны не имея тяжелой,

Пыжиться, лоск наводить на все, что внутри и снаружи?

В средствах стеснен обыватель; и, даже охоту питая

К новшествам, он провести их не в силах, — ведь средств не хватает, Ну, а потребностей много, вот в этом-то вся и загвоздка.

Кое-что я бы предпринял, но кто не боится издержек

На переделки, тем паче в такое суровое время?

Мне уж давно представлялся мой дом, одетым по моде:

Блещут мне уж давно в полукруглых оконницах стекла...

Только угнаться ль кому за купцом, который, помимо

Денег наличных, имеет и доступ к отменным товарам.

Гляньте на новый дом, что насупротив, как там чудесно

Белая вязь штукатурки бежит по зеленому полю,

Рамы окон широки, и так ослепительны стекла,

Что затмевают собою все прочие зданья на рынке.

Даром что лучше других считались после пожара

Дом, где «ангел» над входом, и тот, где «лев» на фасаде.

Также в местности нашей мой сад был известен когда-то.

Каждый проезжий, бывало, подолгу стоял у решетки,

Глядя на каменных нищих и ярко раскрашенных гномов.

Если ж кого приглашал я на кофий в грот свой чудесный,—Правда, теперь этот грот обветшал и запущен изрядно,—Тот без конца восторгался цветистым блеском ракушек,

Дивно подобранных, — даже знаток затуманенным оком

Часто глядел на кораллов сверканье, свинца переливы.

Также и в зале была восхитительна роспись плафонов,

Где разодетые дамы гуляют в садах с господами,

В тонких перстах поднимая и нюхая томно цветочки.

Кто ж залюбуется этим теперь? И сам я с досады

Редко туда захожу. Ведь нынче иное по вкусу,—

Так рассуждают они, — лишь белые планки да скамьи —

Ни позолот, ни резьбы. Все, видите ль, друг мой, должно быть

Просто и гладко. В цене иноземное дерево только.

Я-то, конечно, не прочь новинками обзаводиться,

С модою в ногу шагать и частенько менять обстановку,—Только ведь всякому страшно безделицы даже коснуться —Кто в состоянье платить мастерам в настоящее время?

Давеча вздумалось мне Михаила-архангела латы,—

Он мой хранитель усердный, — украсить опять позолотой, А заодно и дракона, что он попирает стопою...

Бурыми так и остались: ценою я был озадачен».

ЭВТЕРПА

МАТЬ И СЫН

Так толковать продолжали мужчины. Тем временем, выйдя

Из дому, мать поспешила сперва за ворота, надеясь

Сына застать на скамейке, где сживал он на досуге.

Германа там не найдя, заглянула она мимоходом

В двери конюшни, — авось лошадей убирает, которых

Он стригунками купил и под собственным держит присмотром.

Тут отозвался работник: «Он в сад пошел, не иначе».

Длинным, двойным двором пройдя, она миновала

Крепко сколоченный хлев и амбары и тихо вступила

В сад, который далеко до стен городских простирался.

И, углубляясь в него, любовалась растением каждым

Да по пути поправляла высокие колья, на коих

Ветви покоились яблонь и грущ, отягченных плодами.

Несколько гусениц также сняла мимоходом с капусты:

Женщина с глазом хозяйским минуты зря не потратит.

Так достигла она и закраины сада, беседки,

Жимолостью обвитой, — только сына там не было видно,

Как ни в одном уголку он досель ей не повстречался.

Полуоткрытой стояла калитка, что из беседки

Сквозь городскую ограду пробил с разрешенья совета

Предок хозяина в пору, как был он еще бургомистром.

Вот, через высохший ров без труда перебравшись, достигла

Холмика, где виноградник взбирался по склону крутому, Щедро плоды подставляя лучам полуденного солнца.

Также и здесь, подымаясь, с довольством она примечала

Пышные гроздья, что еле под темной листвой укрывались.

Посередине тянулась в тенистой прохладе аллея.

Мать туда поднялась по ступенькам из дикого камня:

Здесь «мускатель» с «гудетелью» висели кругом, и меж ними

Рыжий, подернутый синью, особенно крупного сорта.

Их посадили затем, чтоб гостям предлагать на подносе.

Все остальное пространство иная лоза покрывала:

Тут виноград был помельче, для вин предназначенный тонких.

Так, на пригорок взбираясь, она предвкушала заране

Близкую осень и день, в который начнут повсеместно

Гроздья собирать и давить, вином наполняя бочонки;

В пору такую ночами повсюду трещат фейерверки,

Радостно тьму озаряя, прекрасную чувствуя жатву.

Но беспокойство она ощутила, дважды и трижды

Сына окликнув и только услышав, как там, в отдаленье, Многоголосое эхо от стен городских долетало.

Было в диковинку ей разыскивать сына: доселе

Не уходил он далеко, на то не спросив разрешенья

Любящей матери, чтобы напрасно ее не тревожить.

Все же с ним повстречаться надежды она не теряла;

Ибо дверцы внизу и вверху виноградника были

Настежь открыты. И тут перед нею раскинулось поле,

Склоном отлогим с холма спускалось оно на равнину.

Все еще мать продолжала идти по собственным землям,

Радуюсь на урожай, на колосья, что, низко склоняясь,

По полю вширь и вдаль золотыми волнами ходили.

Так, меж хлебов пройдя по тропинке узкой, хозяйка

Грушу большую признала, венчавшую дальний пригорок,

Где за чертой межевою соседей поля начинались.

Кто посадил эту грушу — неведомо. Но отовсюду

В поле виднелась она и манила плодами своими.

В полдень под нею жнецы отдыхать и обедать любили,

И, полулежа в тени, пастухи стерегли свое стадо.

Скамьи были под нею из дикого камня и дерна.

Мать не ошиблась, — там Герман сидел, погруженный в раздумье.

Голову стиснув руками, казалось, недвижно глядел он

На отдаленные горы, а к матери был он спиною.

К юноше мать подошла и плеча его тихо коснулась,

Он обернулся и поднял глаза, налитые слезами.

«Матушка, — вымолвил Герман, смутясь, — вы меня изумили».

И торопливо смахнул благородного чувства слезинку.

«Как! Ты плачешь, сыночек? — воскликнула мать, растерявшись. — Это мне внове, таким я тебя никогда не знавала.

Что тебе сердце теснит? Что заставило нынче под грушей

Уединенья искать? Отчего на глазах твоих слезы?»

Тотчас собой овладев, отозвался, юноша честный:

«Вправду, сердце из камня у тех, кто не чувствует ныне

Жалости к бедным скитальцам, лишенным защиты и крова.

Истинно, тот безрассуден, кто в тяжкую эту годину

Не помышляет о благе отчизны и собственном благе.

То, что сегодня я видел, что слышал, запало мне в душу.

Вот я сюда и забрался и вижу простор беспредельный,

Где, горизонт застилая, раскинулись тучные нивы,

Вижу, как гнется пред нами сверкающий золотом колос,

Как обещают плоды в кладовые до крыш понабиться,—

Только, увы! Недалеко враги! И хоть Рейна стремнины

Нам и защита, но что и воды и горы народу

Этому страшному, — он, словно туча грозовая, мчится,

Ибо они заодно молодых и старых сзывают

И устремляются массой несметной вперед. Этим толпам

Смерть нипочем: прибывают и ломают рядами густыми.

Смеем ли мы в эту пору в покое сидеть за стеною

Наших домов, полагая спастись от общего горя?

Милая матушка, если б вы знали, как мне досадно,

Что при наборе и нынче я в рекруты не был зачислен

По настоянью сограждан. Все так: единственный сын я,

Наше хозяйство обширно, и наши занятия полезны,

Только не лучше ли было б стоять мне сейчас на границе, Чем у себя в дому ожидать цепей и бесчестья?

Да, мне и разум твердит, я и в сердце своем ощущаю

Силу и смелый порыв затем, что готов для отчизны

Жить и пожертвовать жизнью, других ободряя примером.

Право, если б собрать воедино юношей наших
И на границу отправить, они б за себя постояли.
И не посмели б враги попить нашу милую землю
И на глазах у нас расхищать урожай изобильный,
Женщин наших неволить и гнать мужей, как скотину.
Видите, матушка, я поумнел, заглянув себе в душу.
Без промедленья свершу, что кажется мне наилучшим,
Ибо иной тугодум не всегда выбирает удачно.
Знайте же: я домой не вернусь, а прямо отсюда
В город направлюсь и там предложу военным в услуги
Эти вот руки и грудь, чтоб они послужили отчизне.
Пусть убедится отец, присуще ли мне благородство
И не стремлюсь ли к тому, чтоб выше ступенью подняться».
Тут дальновидная мать с укоризною молвила сыну,
Тихие слезы у ней на глаза навернулись неволью:
«Что это в сердце твоём и в тебе, мой сын, изменилось, С матерью не говоришь, как, бывало, всегда говорил ты — Прямо, от чистого
сердца ей помыслы все открывая;
Если бы кто посторонний подслушал тебя, то, бесспорно, Он похвалил бы решенье твое за порыв благородный,
Будучи сам увлечен возвышенной речью такою.
Я же тебя лишь могу порицать, ибо знаю поближе:
Думаешь ты о другом и от матери сердце скрываешь.
Знаю, тебя привлекают не трубы, и не барабаны,
И не мундир щегольской, чтобы им восхищались девицы,
Ибо твое назначенье, хоть мужеством ты не обижен,
Все же свой дом охранять и мирно возделывать поле.
Вот и ответь мне открыто: зачем ты на это решился?»
«Матушка, здесь вы ошиблись, — отвечивал Герман спокойно.— День не приходится на день. Становится юноша мужем.
Часто в тиши он скорей созревает для дела, чем в этой
Дикой и шаткой жизни, что юношей многих сгубила.
Хоть от природы я смирен и тих, но исподволь сердце
Всякое зло и неправду сильней презирать научилось
И разберется во всем, что в мире теперь происходит.
Так же руки и ноги мои в труде укрепились.
Все это чувствую ясно, и в этом я твердо уверен.
Вы укоряли меня не попусту, матушка, ибо
Правды в словах моих половина и столько ж притворства.
Чистосердечно признаюсь: меня из отцовского дома
Вовсе не голос тревоги зовет и не мысли благие —

Родине стать оплотом, врагу-супостату — грозою.

Это все были слова; говорил их затем, чтоб вернее

Скрыть от зоркости вашей в душе накипевшее чувство.

Лучше оставьте меня: если сердце это напрасным

Чувством полно, то пускай и жизнь понапрасну проходит, Ибо вполне я уверен, что, личным сколько ни жертвуй,

Только себе повредишь, если к общему все не стремится».

«Что ж, продолжай, сынок, — прозорливая мать отвечала,—Все ты мне должен открыть до мельчайшей подробности, Герман, Ибо мужчины пылки и видят лишь цель пред собою,

А затрудненья подчас совращают пылких с дороги.

В женщине хитрости больше, она не забудет о средствах, Хоть бы окольным путем, а желанного все же добьется.

Вот и признайся мне, Герман, о чем ты печалишься нынче, Что на себя не похож, — от волненья совсем раскраснелся, И на глаза вот-вот навернутся жаркие слезы».

Горю тогда отдавшись, расплакался юноша добрый.

Плача, упал он на грудь материнскую, молвив от сердца: «Право, вопреки отцовы меня оскорбили до боли,

Повода к ним не давал я и нынче, и в прежние годы.

С детства благоговейно родителей чтил я, ну, кто же

Мог мне казаться мудрей и достойней тех, кем рожден я, Кто озарял мне заботой младенчества темные годы?

Много мне приходилось терпеть от сверстников грубых,

Что на мое добродушие коварством подчас отвечали,—

Да, получал я частенько от них и щелчки и удары.

Если ж дерзали они над отцом поглумиться, когда он

Шел, погруженный в раздумье, полуднем воскресным из кирки, Или высмеивать ленту на шляпе, цветы на халате,

Столь украшавшем его и подаренном только сегодня,

Сразу же грозно сжимались мои кулаки и со злобой

В драку кидался, точно ослепнув, и без разбора

Бил их сплеча, и с носами, разбитыми в кровь, убегали, Плача и воя, они, от моих зуботычин спасаясь.

Так вот я вырос затем, чтоб отец мой родной, не жалея, Мне расточал оскорбленья не меньше обидчиков прежних.

Если в совете, бывало, его ненароком взволнуют,

Мне доставалось за все — за тайные козни и споры.

Сами ж о доле моей вы печалились, матушка, часто.

Я ж от души ценил попеченье родителей милых,

Что об одном помышляют — умножить для нас достоянье.

И, о потомстве заботясь, себя стесняют во многом.

Только, увы, в сбереженьях во имя будущей пользы

Счастье еще не сокрыто. Оно не в том, чтобы груду

К новой груди прибавить, хоть нам и приятен достаток.

Ибо не только отец, но и дети старятся также,

Светлой минуты не видя, печась о дне предстоящем.

Гляньте вокруг и скажите, не правда ль, раскинулись дивно

Наши угодья: внизу виноградник и сад, а подальше

Службы, амбары — во всем домовитость, зажиточность всюду.

Но погляжу я на дом и увижу под самую крышей

То небольшое оконце каморки моей, и невольно

Мне представляется время, когда по ночам дожидался

Поздней луны или ранних лучей восходящего солнца,

Лишь на часок-другой в глубоком сне забываясь.

Ах, как мне было тогда одиноко; какую пустыней

Веяло в душу от стен, от полей на холмах отдаленных!

Все мне постылым казалось — с тоской я мечтал о супруге».

Речью сочувственной мать отвечала, выслушав сына:

«Верь, не с таким нетерпением и сам ожидаешь невесты, Той, что ночь обратит в половину лучшую жизни,

Вознаградив с лихвой за дневные труды и заботы,

Как ожидают того и отец твой и мать. Мы ведь сами

С выбором верной подруги тебя торопили частенько,

Только я знала и прежде и чует теперь мое сердце —

Если пора не пришла, если девушки нет на примете

В пору урочную, — значит, все поиски наши напрасны,

Ибо страшиться ты будешь ошибки при выборе друга.

Сын мой, скажу тебе прямо: мне кажется, выбор твой сделан.

Сердце твое смятенно, потому и чувствительней стало.

Начистоту говори, хоть без слов для меня очевидно:

Суженая твоя и есть изгнанница эта».

«Матушка, вы угадали! — взволнованно Герман воскликнул.—Это она! И если сегодня же в дом свой невестой

Я не введу ее, то она затеряется завтра

В вихре войны, в суете переездов с места на место.

Матушка, будет не в радость глядеть мне тогда на достаток, Изо дня в день растущий, не в радость мне будет и жатва, Этот устроенный дом и сад мне станут постылы.

Ах, материнская нежность — и та не утешит беднягу.

Ибо любовь разрешает, поверьте мне, всякие узы,

Если скрепляет свои. Ведь не только девушек участь —

Мать и отца покидать и за избранным следовать мужем,

Нет, и юноша также отца и мать позабудет,

Видя, как вместе с любимой уходит и счастье навеки.

Так отпустите ж страдальца, куда его горести гонят!

Высказал батюшка ясно решенье свое, и отныне

Стены этого дома мне чужды, если супругу,

Милую сердцу, ввести в свой дом отец запрещает».

Добрая, умная мать возразить поспешила на это:

«Двое мужчин стоят, словно скалы, друг против друга.

В каждом упрямство и гордость, один не уступит другому.

И примиренья слова никто не вымолвит первым!

Сын мой, на слово верь мне, еще не теряю надежды,

Что и отец, если вправду она хороша и достойна,

Бедность ее не осудит и в дом свой возьмет и такую.

Мало ль что вырваться может из уст его в гневе, однако

Он и отходчив; поверь мне, все может еще измениться,

Доброго слова он ждет от тебя, и ждать его в праве:

Он ведь отец! Да к тому же, ты знаешь, в застольной беседе

Многое он говорит сгоряча, не терпя возражений,

Ибо вино воспаляет в нем кровь, возбуждая охоту

Всем прекословить... Он глух к речам посторонних. Напрасно

Спорить с ним в это время. Себя одного он и слышит,

Но свечереет, и все, что успел собутыльникам с пылу

Высказать он, между ним и меж ними потом остается.

Тотчас смягчается он, протрезвев, и тогда вспоминает

Все, чем обидел других, и не прочь покаяться в этом.

Так поспешим же, сынок; быстрота приносит удачу.

Должно застать нам друзей, что сидят еще с ним за бутылкой, С жаром беседуя. Пастор теперь особенно нам нужен».

Так закончила мать и, решительно с камня поднявшись,

За руку сына взяла; он за нею последовал. Оба

К дому молча пошли, погруженные в замысел важный.

ПОЛИГИМНИЯ

ГРАЖДАНИН МИРА

Так за бутылкой, как прежде, втроем они и сидели:

Добрый священнослужитель, аптекарь, а с ними хозяин.

Так же беседа у них оживленно текла, и чредою

То одного, то другого предмета их речи касались.

Но добродетельный пастор обоим сказал в назиданье:

«Спорить не буду... Я сам сознаю, человеку пристало

К большему в жизни стремиться, и мы замечаем, что вправду

Он и стремится к тому, иль, по крайности, нового ищет, Но далеко не идет, потому что с наклоном этой

Нам от природы дано и пристрастие к старому тоже —

Ибо привержены мы ко всему, что сизмальства привычно: Ведь положение любое прекрасно, если разумно.

Многого смертный желает, а нужно для счастья немного.

Жизнь коротка, и предел бытию поставлен судьбою,
Я осуждать не стану того, кто, покоя не зная,
Дерзок и смел, проникает во все закоулки земные,
Пересекает моря, довольный прибылью щедрой,
Что собирает впрок, о себе памятуя, о близких.
Дорог, однако, мне и живущий в тиши простолюдин,
Неторопливой стопой обходящий отцовские земли,
Чтобы возделывать их, сообразно со временем года:
Та же земля под ним, что привык он встречать ежегодно; Здесь деревцо молодое не сразу потянется к небу
Кущей ветвей, отягченных листвою и цветом роскошным,
Нет, ибо здесь человеку потребно терпенье и чистый,
Невозмутимый разум и смысл спокойный и трезвый;
Ибо лишь горстку семян он вверяет кормилице-пашне,
Разнопородных животных для дома разводит немного,
Лишь приносящее пользу его целиком занимает.
Благо тому, кто нравом таким наделен от природы,
Всех нас он кормит! Блажен городишка безвестного житель, Мудро свое ремесло сочетавший с трудом землепашца,
Чужд ему тайный страх, что гнетет поселян каждодневно, И не смущает его и бюргеров поползновежье
С теми вровень идти, у кого достатку побольше,
С теми, кто выше, важней, — особливо их жены и дочери...
Благословите ж, сосед, натуру скромную сына,
Девушку, сходную с ним, что себе изберет он в супруги».
Так говорил он, и тут показалась мать на пороге,
За руку сына ввела и, поставив его перед мужем,
Молвила: «Часто, отец, меж собой на досуге болтая,
Мы о веселом дне помышляли, в который однажды
Герман, выбрав невесту, порадует нас и утешит.
Так и этак старались, — ему то одну, то другую
Девушку мы предлагали в родительском нашем усердьи.
Но наконец наступил долгожданный день, и невесту
Небо послало ему, и сердце его полюбило.
Вспомни, мы говорили: пусть сам для себя выбирает!
Ты ведь недавно желал, чтобы он привязался покрепче
К девушке! Вот и настала минута! Он девушку выбрал!
Да! Полюбил он, избрал и решился на все, как мужчина: Девушка та — чужестранка, с которой он встретился нынче.
Благослови их! С другою к венцу никогда не пойдет он».
Вырвалось тут у сына: «На ней разрешите жениться!
Сердце избрало ее; вам невестку достойную выбрал».

Но не ответил отец, и тогда, поспешно поднявшись,

Пастор вмешался и молвил: «Одно лишь мгновение решает

Жизнь человека и правит его дальнейшей судьбою.

Сколько ни думай, а все же решение верное будет

Делом одной минуты, и примет его лишь разумный.

Но одного опасайся: о том и другом помышляя,

Время терять на сомненья — от этого чувство мельчает.

Герман душою чист. Я ребенком знал его. Отрок,

Он и тогда не тянулся руками за тем и за этим.

Брал он лишь то, что по силам, но крепко за это держался, Так не смущайтесь теперь, что вот наконец и свершилось

Столь долгожданное вами. Ну, что ж, оно не похоже

Обликом необычайным на облик ваших желаний!

Наши желанья часто желанное нам застигают.

Свыше исходят дары и свой собственный облик приемлют.

Не отвергайте ж девицы, которая вашему сыну —

Доброму, умному парню — затронула душу впервые.

Благо тому, кто впервой полюбил и встречает взаимность, —Лучшие чувства его не увянут в душе бесполезно.

Да, по нему я вижу: решен его жребий сегодня.

Юношу сильная страсть превращает в мужа мгновенно.

Герман упорен. Боюсь я, что, с вашим отказом столкнувшись, Лучшие годы свои проведет он в тоске и унынье».

Тут поспешил вмешаться в беседу также аптекарь,—

Видно, словечко давно у него наготове имелось.

«Думаю, лучше и здесь золотую избрать середину.

«Поосторожней — надежней!» — говаривал, помнится, Август!

Был бы я искренне рад услужить дорогому соседу.

Разумом скромным своим пособить ему постараюсь.

В опытном поводеyre особливо нуждается юность.

Если хотите, пойду и о девушке все разузнаю,

Мненья о ней соберу, расспросив обо всем потолковей,—Я-то не дамся в обман, ведь не всякому слову я верю».

Тут, окрыленный надеждой, порывисто вымолвил Герман:

«Что ж, поезжайте, сосед, разузнайте, но мне бы хотелось, Чтобы сопутствовал вам и пастор достопочтенный.

Этаких двух мужей свидетельство неоспоримо.

О мой отец, поверьте, она не из тех безрассудных,

Ветреных тех иноземок, что странствуют всюду

И легковверных юнцов уловляют в искусные сети.

Нет, это буря войны, сокрушительной силой своею

Поколебавшая землю и множество зданий крепчайших

В прах обратившая, — также ее заставляет скитаться.

Разве подобных лишений не терпят и знатные люди?

Нынче бегут и князья, и в изгнание живут государи.

Ах, и она, из сестер своих наилучшая, тоже

Бегством спастись должна; но, несчастья свои забывая, Служит опорой другим, хоть самой не хватает опоры.

Да, велики лишенья и беды, постигшие землю,

Но ведь несчастье порой обернуться может и счастьем,—И долгожданным объятьям невесты и верной супругой

Буду обязан войне, как пожару когда-то — отец мой».

«Ишь как, — хозяин сказал, удивленно рот открывая.—

Что это вдруг у тебя язык развязался, который,

Долгие годы коснея, во рту ворочался тяжко.

Видно, и мне не избежать того, что отцам угрожает.

Свойственно всем матерям потакать сыновним желаньям.

Каждый сосед готов сочувствовать этому тоже,

Ежели против отца иль супруга они в заговоре.

Я им противиться даже не стану: что в этом толку?

Ибо в ответ я встречу одно лишь упрямство и слезы.

Что ж, бог в помощь, идите да все разузнайте. Иль дочку

В дом ко мне приведете, иль пусть он о ней позабудет!..»

Так он сказал. А сын, от восторга зардевшись, воскликнул: «Солнце еще не зайдет, как дочь приведу вам такую,

Лучше которой нельзя пожелать человеку со смыслом.

Думаю, счастлива будет и добрая девушка эта,

Будет признательна мне, и отца и мать получая

Вновь от меня, да таких, о которых детям послушным

Только мечтать! Так мешкать не буду, — коней запрягу я

Тотчас же и друзей повезу на розыски милой.

Там предоставлю им поступать, как разум подскажет.

Честное слово даю на решение их положиться,—

Девушку я не увижу, ее не назвавши своею».

С этим Герман и вышел, меж тем как другие поспешно

Мненьями там обменялись о разных делах предстоящих.

Поторопился Герман в конюшню, где добрые кони

Стоя жевали отборный овес, засыпанный в ясли,

Вместе с сеном сухим, что на ближнем лугу накосили.

Быстро им Герман вложил удила блестящие в зубы,

В посеребренные пряжки ремни продернул проворно

И пристегнул к ним после широкие длинные вожжи,

Вывел коней на двор, где работник, живой, расторопный, Вмиг подволок экипаж, легонько взявшись за дышло.

К ваге они потом привязали потуже постромки,

Чтобы вернее направить коней быстролетную силу.

Герман взмахнул кнутом, и ландо покатило к воротам.

Только друзья разместились удобно на мягких сиденьях, Быстро ландо понеслось, позади мостовую оставив.

Вскорости города башни и стены назад отступили,

И по знакомой дороге к шоссе направился Герман.

Вожжи коням отпустив, он с пригорка гнал на пригорок.

Но, увидав пред собой деревушку с ее колокольней

И недалеко дома, обнесенные тесно садами,

Герман подумал и стал лошадей придерживать быстрых.

Тенью своей величавой широковетвистые липы,

Здесь не одно столетье корнями вставшие в землю,

Дерном покрытый луг окружали пред самой деревней,—

Местом веселья служил он селянам и бюргерам ближним.

Тут, под навесом дерев, неглубокий вырыт колодец;

Только спустись по ступеням, увидишь скамейки из камня, Коими ключ обставлен, ирающий резвой струею.

Стены кругом низки, чтобы черпать было удобней.

Мысленно Герман решил лошадей под этой тенью

Остановить на минуту. Управясь, он спутникам молвил:

«Ну вот, друзья, теперь и подите разведайте, вправду ль

Девушка эта достойна руки, что ей предлагаю.

Впрочем, едва ль меня удивите вы чем-нибудь новым.

Будь я один, в деревню тотчас поспешил бы, и, верно,

Милая в два-три слова мою бы участь решила.

Сразу ее из всех вы сумеете выделить, ибо

Трудно другую найти, добронравьем схожую с нею.

Кроме того, назову и приметы опрятной одежды:

Красной шнуровкой у ней приподнята выпуклость груди.

Плотно черный корсаж облегает стройную спину.

Ворот рубашки лежит, аккуратными складками собран,

Белой каймой обводя подбородка округлость живую.

Ладной ее головы очертанье гордо и смело.

Ловкой рукой многократно на шпильки навернуты косы.

Синими сборками — ниже шнуровки — красуется юбка

И при ходьбе обнимает высокие стройные ноги.

Только прибавить хочу да еще особо прошу я:

К девушке не обращайтесь, пускай ей не будет вдогадку, Но опросите других и послушайте, что вам расскажут.

Как наберете вестей, чтоб отца и мать успокоить,
Спешно ко мне возвращайтесь, и речь поведем о дальнейшем.
Вот что надумал сейчас, дорогой, едучи с вами».

Так говорил он. Тем часом друзья зашагали к деревне,
Где по садам, домам и сараям толпились пришельцы
Или же вдоль дороги стояли — повозка к повозке.
Корм задавали мужчины коням и скотине мычащей,
Женщины всюду усердно белье на заборах сушили,
И ребятишки, резвясь, у ручья плескались беспечно.

Так, пробираясь бочком меж повозок, людей и животных, Вправо и влево глядели лазутчики, встретить надеясь
Где-нибудь облик девичий, согласный с тем описанием.
Только нигде не являлась прелестная девушка эта.
Пуще стала кругом толчея. Расходившись, мужчины
Крупный затеяли спор о повозках; с криком вмешались
Женщины. Тут какой-то старик решительным шагом
Быстро приблизился к ним, и немедля шум прекратился,
Лишь замолчать он велел, по-отечески голос возвысив.

«Разве несчастья, — вскричал он, — нас всех не настолько смирили, Чтобы друг к другу терпимей мы были, стараясь поладить
Даже и с тем, кто своих поступков не соразмерил?
Подлинно, в счастье любой несговорчив. Ужель и несчастье
Нас наконец не научит не ссориться с братом, как прежде!

Место на чуждой земле уступите друг другу; делите
Поровну все добро — и заслужите вы милосердь».

Так говорил он. Все приумолкли и, успокоясь,
Дружно взялись приводить в порядок скот и повозки.
Слово судьи чужого прослушав с глубоким вниманьем,
Разум недюжинный в нем отметил священнослужитель
И, подойдя, обратился к нему со значительной речью:
«Истинно так, отец мой, покуда народ проживает
В счастье отменном, питаем землю, плодоносящей
Вовремя, с каждым годом и с каждой новой луною,
Все неизменно приходит само собой, и любому
Мнится: он и хорощ, и умен. Согласье — меж всеми.
Тут и разумнейший муж выдаваться из прочих не может,
Ибо события идут потихоньку дорогой обычной.
Стоит, однако, беде изменить течение жизни,
В прах низвергнуть устои, пройти по садам и посевам,
Жен и мужей согнать с насиженных мест и заставить

Денно и ночью скитаться с тоской и отчаяньем в сердце,—Ах, тогда наконец мы к разумному взор обращаем,—

Тут уж слово его понапрасну не пропадает.

Право, скажите, отец мой, уж вы не судья ль среди этих

В страхе бегущих людей, чье волнение так скоро смирили?

Да, вы мне нынче явились одним из древних вожатых —

Тех, что народам гонимым пути возвещали в пустыне.

Будто бы вправду с Навином беседую иль Моисеем».

И отвечал на это судья, выразительно глянув:

«Подлинно, наше время тождественно тем стародавним,

Памятным тем временам, в истории запечатленным.

Ибо кто прожил вчера иль сегодня в такую минуту,

Прожил целую вечность; события-то вихрем несутся.

Если назад оглянусь я, мерещится, будто седая

Старость меня одолела, а силы во мне еще бродят.

О, мы смело себя уподобим людям, которым

Некогда, в грозный час, в купине горящей явился

Бог. Нам также предстал он в огне и облаке темном».

Только священнослужитель собрался беседу продолжить

И про судьбу скитальцев судью расспрашивать дальше,

Тайное слово проворно шепнул ему на ухо спутник:

«Вы, не стесняясь, толкуйте с судьей да на девушку речи

Свесть постарайтесь, а я поброжу, поищу и немедля

К вам возвращусь, лишь замечу ее». Кивнул ему пастор, И по садам и амбарам пошел, озираясь, лазутчик.

КЛИО

СОВРЕМЕННОСТЬ

Лишь обратился священник к судье чужому с вопросом:

«Что претерпели скитальцы, давно ли кровя лишились?» —Тотчас ответил судья: «Нескончаемы наши несчастья,

Горькую чашу страданий мы пили все эти годы!

Тем и ужасней, что рухнули лучшие наши надежды.

Кто ж отрицать посмеет, что сердце его всколыхнулось, Грудь задышала вольней и быстрее кровь заструилась

В час, как впервой сверкнуло лучами новое солнце,

В час, как услышали мы о великих правах человека,

О вдохновенной свободе, о равенстве, также похвальном.

Каждый тогда надежды на счастье питал, и казалось,

Узы, которыми праздность и своекорыстье вязали

Накрепко многие страны, теперь наконец разрешились.

Разве не все народы в те бурные дни обратили

Взоры свои на столицу вселенной, которая долго

Ею была, а сейчас таковою тем более стала.

Не были разве те люди посланцами истины новой,

Чье триединство они вознесли до высот поднебесных.

Разве не в каждом явились отвага, полет, красноречье?

Мы, как соседи, на это с участием сперва отозвались.

Вскоре война загорелась, и вооруженные франки

Двинулись грозно; но нам показались только друзьями —Ими они и были; с приходом их ожили души.

Всюду растили они величавое Древо Свободы,

Всем обещая свое и по выбору — образ правленья.

Юность бурлила восторгом, за ней ликовала и старость.

Всюду, вокруг новых знамен, затевались веселые пляски.

Так, получив перевес, полонили французы вначале

Наших мужчин умы — решимостью неукротимой,

После — своим обхожденьем — сердца прекрасного пола.

Нас не томило нисколько войны разрушительной бремя,

Ибо надежда пред нами бескрайнюю даль расстилала,

Новопроегшим путем восхищенные взоры лаская.

О, сколь радостно время, когда жених и невеста,

В танце кружась, мечтают о дне долгожданного брака.

Но еще радостней было то время, когда показалось

Сбыточным то, что от века для разума нашего свято.

Все языки развязались. Мужчины, юноши, старцы

Заговорили свободно о чувствах и мыслях высоких.

Вскорости небо затмилось. К господству стали тянуться

Люди, глухие к добру, равнодушные к общему благу.

Между собою враждуя, они притесняли соседей

Новых и братьев своих, высылая разбойные рати.

Грабить и бражничать стало начальство большое помногу, Всякую мелочь помалу хватали людишки поменьше.

Каждый казался одним озабочен: достало б на завтра.

Все углублялась нужда, нестерпимей гнет становился.

Жалоб не слушал никто, завладели они положеньем.

Тут уж печаль и гнев обуяли самых спокойных.

Каждый мечтал об одном — поскорей отплатить за обиды

И за двойную утрату обманутой горько надежды.

Приняло сторону нашу в то время военное счастье,

И за рубеж отступили французы ускоренным маршем.

Только тогда нам на плечи вся тяжесть войны и свалилась.

Добр и велик победитель (таким он, по крайности, мнится), И побежденных готов он шадить, как своих, если только

Служат на совесть ему и снабжают необходимым.

Но отступающий враг презирает законы. Ему бы

Лишь отмахнуться от смерти, — хватает он все без разбору.

Он — в исступленье к тому же. Отчаянье и безнадежность, Душу переполняя, толкают его на злодейство.

Больше не свято ему ничего. В нем совесть исчезла,

Женщин он предаёт поруганью, их ужасом тешась.

Чувствуя смерть повсюду, спешит он в досталь упиться

Мигом последним. Он сладко хмелеет от воплей и крови.

Яростно в наших мужчинах проснулась упрямая воля —

От расхищенья спасти уцелевшее, мстить за потери.

Все за оружие взялись, привлеченные видом бегущих,

Бледными лицами их и большими от страха глазами.

На колокольнях набат, не смолкая, гудел постоянно.

Ожесточенья сдержать не могла никакая опасность.

Мирная утварь крестьян превратилась в орудия смерти,

Вскорости вилы и косы окрасились вражеской кровью,

Били врагов беспощадно, безжалостно били, и всюду

Злоба слепая кипела, беспомощно трусость дрожала.

Нет, я людей не хотел бы в таком исступленье безумном

Снова увидеть. Отрадней смотреть на свирепого зверя.

Пусть не твердят о свободе, уж где управлять им собою?

Дай только им разгуляться, и сразу выйдет наружу

Темное, злое, что было законом оттиснуто в угол».

«Достопочтенный муж! — значительно молвил священник.—Вас не могу осуждать я за то, что вы к людям так строги.

От злонамерений всяких пришлось претерпеть вам немало.

Но оглянитесь назад, на печальные дни, и, наверно,

Сами признаете вы, что добро вас не раз навещало.

Мало ли чувств благородных сокрытыми были бы в сердце, Если бы вдруг не опасность, не бедствия, что человека

Делают ангелом божьим, защитником ближних и братьев».

Старый почтенный судья отвечал с незаметной улыбкой:

«Сказано это с умом. Ведь порою после пожара

Напоминают с участием владельцу дома, что, дескать,

Золото и серебро уцелело, по крайности, в слитках.

Правда, немного осталось, но даже немного ценно.

Роется в пепле бедняга и счастлив находкой случайной.

Так вот и я обращаю охотно чистые мысли

К немногочисленным добрым делам, которые помню.

Да, я видел, враги примирились во имя спасенья

Города. Видел и дружбу... Я видел и то, что для отчей

И для сыновней любви ничего невозможного нету,

Видел, как юноша вдруг становился мужчиной, как старец

Вдруг молодец на глазах и за юношу действовал отрок...

Даже и слабый пол, как его именуют обычно,

Силу и смелость являл, не теряя присутствия духа.

Тут я позволю себе рассказать о прекрасном поступке

Девушки великодушной, девицы с отважной душою.

Девочек маленьких, в доме оставшись, она охраняла,

Ибо мужчины пустились вослед чужеземцам бегущим.

Тою порой во двор ворвалась толпа мародеров.

Шарили всюду они и добрались до комнаты, в коей

Девушку эту нашли — прекрасную, статного роста,

С нею и девочек милых, — вернее, детей малолетних.

Вспыхнула ярость в злодеях и кинулись, разум теряя,

На беззащитную кучку дрожащих детей и девицу.

Но из ножон одного из бездельников выхватив саблю,

Тут же его уложила, — к ногам ее пал он, сраженный.

После она, по-мужски, малышей от беды оградила,

Ранив, кроме того, четырех, убежавших в смятенье,

Заперла двор и подмоги с оружием в руках ожидала».

Только что девушке той похвалы услышал священник,

Как появилась в душе у него надежда за друга.

Он уж спросить собирался, что случилось с девицею этой, Нет ли ее меж скитальцев, вот здесь — на пути злополучном.

Тут неожиданно сзади возник расторопный аптекарь,

Пастора за полу дернул и шепотом быстрым промолвил:

«Знаете ль, девушку эту нашел наконец я меж сотен

По описанью. Пойдемте, прошу убедиться воочию.

Вы и судью прихватите, пускай он о ней порасскажет».

Тут обернулись они, но судьи уж не было рядом,

Он в это время своими отозван был для совета.

Все же немедля пошел за аптекарем добрый священник

К щели забора, и первый заметил другому лукаво:

«Девушка тут, поглядите: она пеленает ребенка.

Старенький ситец узнал я и тряпку узнал голубую,

Те, что со всяким бельишком ей пе?редал Герман сегодня.

Быстро она и толково подарки распределила,—

Признаки все налицо, и в точности все совпадают.

Красной шнуровкой у ней приподнята выпуклость груди,

Плотно черный корсаж облегает стройную спину,

Ворот рубашки лежит, аккуратными складками собран,

Белой каймой обводя подбородка округлость живую.

Ладной ее головы очертание гордо и смело,

Ловкой рукой многократно на шпильки навернуты косы.

Даже теперь, у сидящей, вы видите статность фигуры,

Синими сборками — ниже шнуровки — красуется юбка

И при ходьбе обнимает высокие стройные ноги.

Это она, несомненно, — пойдемте-ка и разузнаем

Все, что удастся, о ней — добродетельна ли, домовита ль».

Тут отозвался священник, на девушку глядя пытливо:

«Не удивительно вовсе, что юноша ею прельстился.

Даже взыскательным взорам мужчины она угодила б.

Счастлив, кому даровала природа приятную внешность.

Всюду его привечают, и всюду он принят, как близкий.

Каждого тянет к нему, и охотно с ним водится каждый,

Если красивую внешность с любезностью он совмещает.

Я поручиться могу, что соседу избраница эта

Жизнь и весельем украсит, и честно сопутствовать будет, И в треволненьях житейских заботою женской поддержит.

Верно, что в теле таком совершенном душа сохранилась

Чистой. А свежая юность — залог и старости ясной».

Пастору тут же в ответ осторожно заметил аптекарь:

«Внешность нередко подводит! Доверья к ней не питаю.

Я убеждался не раз в правоте поговорки старинной:

Прежде чем пуда соли не съешь ты с новым знакомым,

Не доверяйся ему легковерно, а время покажет,

Как надлежит с ним держаться и сколь долговременна дружба.

Дайте сперва порасспросим у добрых людей, ведь, наверно, Девушка им знакома. Послушаем, что нам расскажут».

«Ладно, я также ценю осторожность, — ответил священник,—Сватаем мы не себе, а поэтому действуй с опаской».

Тотчас направились оба навстречу судье, что поспешно

Улицу переходил, озабочен делами своими.

С предусмотрительной речью священник к нему обратился: «Девушку мы увидели в саду, недалеко отсюда,

Сидя под яблоней, шьет для младенца она рубашонку

Из полинялого ситца, что ей, вероятно, подарен.

С виду она хороша и достойной нам показалась.

Вам-то знакома она? Мы с намереньем добрым спросили».

В сад заглянул судья и к друзьям тотчас обратился:

«Вы уж слышали о ней. Ведь рассказывал только недавно

Вам о поступке прекрасном той девушки необычайной,

Что обнаженным мечом и себя и детей защитила.

Это она! Поглядите, могучей какой уродилась.

Столь же она и добра, как сильна. До последнего часа

За престарелым ходила сородичем. Умер он, сломлен

Тяжкой нуждой в городке и потерей добра нажитого.

С грустью покорной она и другое вынесла горе —

Смерть жениха своего, благородного юноши; в первом

Пылком порыве чувств поспешил он во Францию. Сам же

Выбрал дорогу в Париж и нашел ужасную гибель.

Ибо и там он, как дома, был ярым врагом беззаконья».

Так заключил судья. Поклонились друзья благодарно.

Пастор достал золотой (серебра в кошельке ни монетки

Не оставалось. Его пораздать он успел незадолго,

Видя, как мимо проходят печальной толпою скитальцы)

И, протянув судье подаянье, сказал: «Разделите

Меж неимущими лепту, и бог пусть ее приумножит».

Но, отклоняя подарок, промолвил судья: «Мы успели

Денег немного спасти и вещей различных и платья.

Думаю, этого хватит, покуда назад не вернемся».

Пастор не отступил и вложил ему в руку монету.

«В пору такую, — сказал он, — никто с подаяньем не мешкай, Также никто не смей отклонять дающего руку,

Нынче никто и не знает, сколь прочно его достоянье:

Знает ли кто-нибудь, долго ль скитаться ему на чужбине, Даже полоски земли не имея для существованья».

«Э, да позвольте, друзья, — озабоченно молвил аптекарь, — Будь у меня в кармане деньжонки, я все бы их отдал,

Мелочь и крупные. Верно, онигодились бы людям.

Кое-что все ж подарю, чтобы видели вы хоть желанье

Быть вам полезным; не важно, коль дар от желанья отстанет».

Так говоря, за тесемки он вытащил кожаный, прочный,

Бисером шитый кисет, где хранился табак, и любезно

Узел раздвинул, и стал оделять — нашлись там и трубки.

«Скуден подарок», — сказал он, судья же на это заметил: «Все-таки добрый табак для путника вещь недурная».

Тотчас пустился аптекарь расхваливать всячески кнастер.

Пастор его прервал, и с судьей они распростились:

«Надо спешить, — сказал добронравный муж, — ожидает

Юноша нетерпеливо. Пускай же услышит скорее

Добрую весть». И они поспешили и юношу вскоре

Подле коляски нашли; прислонившись к липе, стоял он.

Лошади землю рыли, а Герман, сжимая поводья,

В даль пред собою глядел и друзей не заметил, покуда

Те, приближаясь к нему, не подали знака руками.

Издали начал еще аптекарь кричать, но поближе

Скоро они подошли, и священнослужитель, схвативши

За руку друга, сказал, прерывая его: «Благодатью,

Юноша, ты осенен! Не ошиблись ни глаз твой, ни сердце!

Благо тебе и твоей нареченной, юноша честный!

Да, вы друг друга достойны! Лаңдо поворачивай быстро, Едем в деревню немедля, просватаем девушку эту

Тут же и с ней возвратимся домой, уже как с невестой».

Стоя в молчании, Герман, без признаков радости, слушал

Речи посланца, что были отрадны, как милость господня.

Тяжко вздыхая, сказал он: «Сюда мы приехали быстро,

Ну, а домой-то — с позором, быть может, тихонько поедем.

Ибо, покамест я ждал, на меня навалились заботы,

Ревность, сомненья и все, что влюбленное сердце терзает.

Что ж, полагаете вы, мы придем, и она согласится

Лишь потому, что бедна и без крова, а мы богатеи?

Бедность бывает горда, коль ничем не заслужена. Малым, Кажется, девушка эта довольна и, значит, богата.

Что ж, полагаете вы, что с такой красотой и нравом

Девушка эта пленить не могла никого? Неужели

Сердце ее до сих пор не затронуто было любовью?

Не торопитесь в деревню, чтоб нашу коляску с позором

Нам не пришлось повернуть. Опасаюсь того, что, быть может, Сердцем ее уж другой завладел, что, пожав ему руку,

Верность до самого гроба счастливцу она обещала.

Ах, и тогда перед ней я буду стоять пристыженный».

Юноше пастор собрался сказать слова утешенья,

Но перебил его туг же болтливый аптекарь: «Конечно,

Будь это в прежние годы, не знали бы мы затруднений.

Всякое дело тогда совершалось привычным порядком.

Только, бывало, невесту родители сыну присмотрят —

Тотчас к себе приглашают надежного друга семейства.

Он отправляется сватать к родителям девушки этой

Так, как приличье велит: нарядившись, идет в воскресенье

После обеда хотя бы к почтенному бургеру в гости,

Дружески речи заводит о том и о сем для начала,

Ловко потом разговоры вокруг да около вертит

И, наконец, о невесте словечко похвальное молвит,

О женихе и о доме, откуда он сватом подослан,

Умные люди смекнут, в чем дело, а хитрый посланец,

Видя согласие прямое, свою продолжает беседу.

Если не ладилось дело, отказ огорчительным не был,

Если ж оно удавалось, то сват бывал неизменно

Гостем первейшим на каждом семейном празднике в доме, Ибо всю жизнь не могли позабыть супруги, что эти

Ловкие руки скрепили навек их первые узы.

Нынче этот обычай, подобно другим превосходным,

Вышел из моды. Теперь спешают свататься сами.

Ну и отказ получай самолично, дружок, если эта

Участь тебя ожидала, — красней, перед девушкой стоя».

«Будь что будет! — вскричал с непритворным отчаяньем Герман, Речь дослушав едва и решение в душе принимая.—Сам я пойду и свой жребий узнаю сам от любимой

Девушки: ей доверяю всем сердцем, — сильнее едва ли

Мог бы влюбленный мужчина когда-либо женщине верить.

Все, что ни скажет она, хорошо, — убежден я заране.

Если ж в последний раз суждено мне встретиться с нею, Я бы хотел еще глубиной этих глаз насладиться.

Если ж не суждено мне прижать ее к сердцу, то снова

Грудь увижу и плечи, которые жажду обнять я.

Пусть увижу уста, поцелуй которых иль слово

«Да» обещают мне счастье, а «нет» обрекает на муку.

Лучше оставьте меня, вам нечего ждать. Возвращайтесь

Прямо к родителям в дом и скажите, что сын их взаправду

В выборе прав был своим и девушка эта прекрасна.

Так что оставьте меня. Через холм, тропинкою узкой,

Грушу минуя, и вниз через наш виноградник пряменько

К дому я выйду. О, если б по ней мне весело с милой

Выпало счастье пройти! Но, быть может, назад одиноко

Этой тропой побреду, навсегда обрученный с печалью».

Так свое слово закончив, он пастору отдал поводья,

Тот их принял, справляясь с конями, покрытыми пеной,

Сел поскорее в коляску и занял место возницы.

Но осторожный аптекарь минуту промедлил и начал:

«Я вам охотно, мой друг, доверил бы дух мой и душу,

Кости ж и тело, пожалуй, в сохранности лучшей пребудут, Если не в руцех духовных — в мирских окажутся вожжи».

Но с добродушной улыбкой священник догадливый молвил: «Смело садитесь и тело доверьте мне так же, как душу.

Эта рука научилась держать поводья давненько.

Также и глаз мой приучен отыскивать путь понадежней,

В Страсбурге я управлять лошадьми привык еще в пору,

Как молодого барона туда провожал. Ведь, бывало,

День ото дня приходилось мне править, летя сквозь ворота

Пыльной дорогой к лугу далекому, прямо под липы,

Средь горожан, проводящих в веселье свой отдых воскресный».

Сердцем почти успокоясь, аптекарь уселся в коляску,

С краю, однако, — готовый при первой опасности спрыгнуть, И жеребцы полетели домой, соскучась по стойлу.

Клубы удушливой пыли вставали над мчащейся парой.

Юноша долго стоял и смотрел, как она подымалась,

Как тяжело оседала... Растерянный, долго стоял он.

ЭРАТО

ДОРОТЕЯ

Словно скиталец какой, заглядевшийся неосторожно

На золотистое солнце пред тем, как оно закатилось,—

После в темной листве и на хмурых склонах утесов

Видит его сверканье, и всюду, куда он ни глянет,

Пляшет оно перед ним в ослепительной роскоши красок,—Герман смотрел, и казалось влюбленному — образ чудесный, Словно живой возникая, плывет по тропе меж хлебами.

Он, от себя гоня наважденье, решил обернуться,

Бросил взгляд на село и вздрогнул — сон продолжался:

Шла и оттуда навстречу прекрасная девушка. Герман

Впился в нее глазами, но призрак не таял. И вправду,

Это была она. С кувшинами — бо?льшим и меньшим

В каждой руке — торопливо она приближалась к колодцу.

К девушке весело он поспешил, и при виде любимой

Силы вернулись к нему, и промолвил он ей, удивленный: «Вот и опять довелось мне с тобой повстречаться, готовой

Людям полезно быть и в несчастьях служить утешеньем.

Видимо, только ты и решилась идти так далеко

По воду! Ведь остальным и в деревне хватило колодцев, Но, разумеется, здесь и свежее вода, и приятней;

Верно, она для больной, о которой полна ты заботой».

Девушка тотчас ему отвечала с улыбкою милой:

«Вот мне уже и награда за длинную эту дорогу.

Здесь я встречаю того, кто пришел нам на помощь столь щедро, Видеть даятеля так же отраднo, как видеть даянье.

Доброго встретит приятно, как доброе дело увидеть.

Что же, пойдете, взгляните, кому приношенья достались, И благодарностью кроткой страдальцев вы умилитесь.

Если ж хотите знать, почему воды захотелось

Именно здесь мне добыть, где источник свеж и прозрачен, Вам я ответить готова: неосмотрительно люди

Гнали коней и волов через речку, что вмиг замутили

Воду, которую брать деревенские жители ходят,

Стиркою да и мытьем загрязнили прищельцы тотчас же

Все, что имелись в деревне, колодцы и все, что в округе.

Каждому только свое на уме, и с насущной заботой

Он развязаться спешит, о других не мысля нисколько».

Так рассуждала она, со своим провожатым спускаясь

Вниз по широким ступеням. На узкую стенку колодца

Рядышком сели они. Чтоб воды зачерпнуть, наклонилась

Девушка. Так же и Герман чрез край перегнулся колодца.

В зеркале чистом воды, где лазурь небес отражалась,

Отображенья их, колыхаясь, кивали друг другу.

«Дай мне водицы глоток», — он сказал, преисполнен отрадой.

Девушка воду ему подала. Опершись на кувшины,

Сидя, они отдыхали, и беженка друга спросила:

«Как же ты здесь очутился? Один, без коней и коляски, Так далеко от дороги, где встретились мы? Что случилось?»

Наземь глаза опустил, призадумавшись, Герман, но тут же

Взор на нее перевел дружелюбный, и стало спокойней

И на душе, и на сердце. Но все ж о любви не под силу

Было ему говорить. Не любовью, а разумом светлым

Искрился девичий взор и не к чувствам взывал, а к рассудку, И, совладав с собой, он ответил ей чистосердечно:

«Высказаться дозволю, и вопросы твои разрешатся.

Из-за тебя и пришел я. Зачем мне таиться напрасно?

Я в постоянном довольстве живу при родителях милых,

Ревностно им помогаю за домом следить, за хозяйством, Я ведь единственный сын, и забот у нас полные руки.

Мне полевые работы поручены, батюшка в доме

Первый хозяин, а мать все усердьем своим оживляет.

Впрочем, сама ты, наверно, могла убедиться, что слуги

Пустоголовы, ленивы, всегда досаждают хозяйке;

Вечно меняй их, как будто ошибкой исправишь ошибку.

То-то давненько мать помощницу ждет, да такую,

Чтоб, не спустя рукава служаая, а сердцем радея,

Стала бы дочерью вместо утраченной в прежние годы,

И, увидав тебя, я приметил веселую бойкость,

Ловкость в каждом движении, здоровье, крепкие руки,
Речью разумной твоей наслаждался, и, всем восхищенный, Дома родителям добрым при наших друзьях чужестранку
Я расхвалил по заслугам. Они ж, я затем и явился,
Мыслят со мной заодно... Прости за нескладные речи...».
«Можете их, не робея, продолжить, — она отвечала,—
Не обижаюсь нисколько, напротив, — еще благодарна.
Прямо так и скажите, ничуть я на то не обижусь:
Девушку ищите вы в услуженье к родителям вашим,
Чтобы в домашней работе и в поле им пособляла.
Вот и сочли, что я подходящей служанкою буду,
Так как приветлива нравом, вынослива и расторопна.
Попросту все вы сказали, и попросту вам я отвечу:
Да, я за вами пойду, так судьбой мне назначено, видно, Долг мой исполнен, затем, что роженицу я возвратила
Близким ее и друзьям, к их довольству и радости общей.
Часть их уже отыскалась, отыщутся и остальные.
Всяк помышляет уже о дороге обратной, ведь этим
Тешить себя привык на чужбине каждый скиталец.
Я ж не хочу обольщаться надеждой обманчивой, зная,
Что за печальными днями такие же дни я увижу.
Узы судеб теперь расторглись, и кто же их снова
Свяжет, кроме нужды, неизбежно стоящей пред всеми.
Если бюргер достойный мне хлеб предлагает и в доме
Есть у него и хозяйка достойная, — что ж, я согласна: Девушку-беженку разве оставит иначе злословье?
Да, я за вами пойду, но сначала вернусь я в деревню,
Воду друзьям отнесу и приму их благословенье.
Вместе к ним и пойдем, и они уж меня отдадут вам».
Радостно юноша встретил решение девушки доброй.
Но колебался, не лучше ль ей сразу же правду поведать.
Все же разумней — подумал — оставить ее в заблужденье, В дом поначалу ввести, а там в любви и признаться.
И, золотое кольцо на руке у нее он увидев,
Ей говорить предоставил, вникая в каждое слово.
«Что ж, — проронила беглянка, — пойдёмте. Молва осуждает
Девушек, что понапрасну так долго торчат у колодца.
Впрочем, приятно порой поболтать над журчащей водою...»
Встали они, и тут заглянуть потянуло их снова
В темную глубь водоема, и сладостный трепет объял их.
Девушка, словно очнувшись, схватила кувшины и молча

Вверх по ступеням пошла, и последовал Герман за нею.

Ношу ее разделить он хотел, но она отвечала:

«Тяжести легче нести, между ними храня равновесье.

Тот же, кто будет мне вскоре приказывать, вовсе не должен

Сам услужать. Ни к чему эти строгие взоры, как будто

Участь моя не видна мне. Всё женщине быть в услуженье; Лишь служаая, она добивается в доме влиянья

И полноправной хозяйкой становится в нем постепенно.

Брату служит сестра, как служила родителям прежде,

Вечно она в суете: то туда, то сюда лишь и знает

Только подать, принести, да вдобавок сготовить иль сделать.

Благо, коль навык есть, с ним короче любая дорога,

Длинная ночь приходит короткому дню на подмогу,

Да и работа тогда не неволит, иголка не колет,

Ты, о себе забывая, всецело живешь для домашних!

Будущей матери все добродетели эти потребны

В час, как младенец разбудит и станет с больной, неокрепшей

Требовать пищи, к страданьям еще прибавляя заботы.

Тяготы эти и двадцать мужчин сообща не осият,

Да и осиливать им ни к чему. Благодарность была бы!»

Так рассуждала она и с примолкнувшим спутником вместе, Сад миновав, подошла неприметно к пустому амбару,

Где на току и лежала роженица: с ней находились

Дочки спасенные, обе — невинности образ чистейший.

Дверь не успела за ними закрыться, как тут же навстречу, За руки двух малюток ведя, и судья появился.

Были они в суматохе утеряны матерью бедной,

И наконец удалось отыскать их почтенному старцу.

Милую мать увидав, заплясали от радости дети,

С братцем еще незнакомым тотчас же играть захотели

И, Доротюю они обнимая, ласкались, и тут же

Хлеба стали просить и плодов, но прежде — напиться.

Девушка всех угостила водою: детей и больную,

Старших дочек, а также судья глотком освежился.

Каждый вдосталь испил, восхваляя отличную воду —

Щелочь ей вкус придавала, и шла она людям на пользу.

С тихою думой во взоре тогда Доротья сказала:

«Этот кувшин, дорогие, должно быть, уже на прощанье

К вашим устам подношу, напоследок их услаждаю.

Все же, в полуденный зной ледяным глотком освежившись

Или в тени у ручья обрета покой и прохладу,

Вы об участъе моем вспоминайте, ибо ему вы

Больше, чем родственным узам, обязаны склонности сердца.

Мне же вовек не забыть доброты, проявленной вами.

С грустью вас покидаю. Но каждый теперь для другого

Не облегченье, а бремя, и все под конец разбредемся,

В чуждых краях осев, коль на родину путь нам заказан.

Видите, юноша здесь, заслуживший признательность вашу

Тем, что белье для младенца и пищу для взрослых доставил; Он лишь затем и пришел, что меня понадеялся видеть

В почтенном, богатом родительском доме служанкой.

Я отказать не могу. Предназначена быть в услуженье

Девушка, если не хочет обузою стать для домашних.

С ним и пойду. Ведь по виду он добропорядочный парень, Да и родители, верно, как люди с достатком, — не хуже.

С вами, соседка, прощаюсь. Да будет утехою вашей

Этот малютка, который теперь уже пышет здоровьем.

К сердцу его прижимая в пеленках из пестрого ситца,

Припоминайте с отрадой принесшего этот подарок

Юношу, что и меня одевать и кормить согласился.

Вы, — продолжала она, обращаясь к почтенному старцу,—Мне заменили отца, и признательна вам бесконечно».

К ложу больной Доротея склонилась; у женщины доброй

Слезы сверкнули в глазах и уста прошептали молитву.

«Друг мой, — юноше молвил почтенный судья, — ты по виду

Можешь быть смело причислен к хозяевам благоразумным, Что для ведения дома достойных людей выбирают.

Часто случалось мне видеть: овцу, иль другую скотину, Или же лошадь с разбором берут при обмене иль купле,

А человека, что все сбережет, будь он дельный и честный, Или своим небреженьем расстроит, растратит впустую,—Этого могут нанять, полагаясь на счастье иль случай,

Чтобы потом себя укорять за поспешный поступок.

Впрочем, ты взвесил все это, и девушка взятая, чтобы

Матери тягот посбавить, и впрямь оказалась достойной.

Другом ей стань и, покуда останется в доме, не будешь

Чувствовать — нету сестры у тебя, у родителей — дочки».

Подле роженицы много собралось друзей и знакомых.

Ей приношенья несли и жилье предлагали получше.

Новость уже разнеслась, и окидывал Германа каждый

Многозначительным взором, исполненным тайного смысла.

Даже одна из соседок другой на ушко прошептала:

«Если просватает он Доротею, не быть ей внакладе».

За руку девушку взял и промолвил Герман: «Пойдемте,

Вечер уже наступил, а до города путь не короткий».

В кучу женщины сбились, спеша с Доротеей проститься,

Герман ее торопил, но обняться-то с каждою надо.

Тут подросли и дети, за платье ее уцепились,

Мать вторую никак отпустить от себя не желая.

Но вразумительно им сказала одна из соседок:

«Детки, пустите; она принесет вам из города много

Разных сластей и печений, заказанных братцем, покуда

Утром ранним с ним пролетел над кондитерской аист.

Их в золотистых кульках и должна прихватить Доротея».

Девушку дети тогда отпустили: ее из объятий

Вырвав, Герман увел, хоть платочки еще развевались.

МЕЛЬПОМЕНА

ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ

Вот и пошли они тропкой навстречу закатному солнцу,

Что в облака грозовые упряталось и временами,

В дымке неясной сквозя, то сбоку, то сзади бросало

Редкий свой луч, озаряя поля зловещим сияньем.

«Только бы, — молвил Герман, — грозою с градом и ливнем

Буря не разрешилась, — ведь жатва поспела на славу!»

Оба они любовались высокой волнистою рожью,

Им достававшей до плеч, хоть шедшие рослыми были.

Верному спутнику тихо сказала тогда Доротея:

«Добрый мой друг, кому я, по счастью, обязана ныне

Хлебом и кровом, — меж тем как изгнанников ждет непогода,—Прежде всего расскажите о нраве родителей ваших,

Коим усердно служить я готова, сил не жалея.

Кто господина узнал, угодить ему легче сумеет,

Приноровляясь к тому, что всего превыше он ценит,

С чем его разум и сердце сроднились за долгие годы,—

Как же мне сделаться, друг мой, родителям вашим угодной?»

Юноша благоразумный ей тотчас на это ответил:

«Правильно ты поступаешь, достойная девушка, если

Заблаговременно хочешь узнать родителей норов.

К слову сказать, и поныне отцу угодить я не в силах,

Даром что в доме его, как в своем, тружусь неустанно, Только и знаю: с зари до зари виноградник да поле...

Матери я угождаю, и, добрая, мне благодарна,

Так же и ты ей казаться отличной девушкой будешь,

Ежели, как за своим добром, за домом присмотришь.

Батюшка мой не таков, — подавай ему внешнего лоску!

Славная девушка, ты не подумай, что я бессердечен,
При посторонней открыто родного отца упрекая,
Но уверяю тебя, что впервой столь дерзкие речи
С губ, не привыкших злословить, сорвавшись, нынче слетели, Ибо в душе у меня пробудить ты сумела доверье.
Добрый отец мой склонен к известной красивости в жизни, Требуется он и любви, и почтенья сугубого также,
Он-то и худшим слугой доволен останется, если
Этот к нему подольстится, а к лучшему будет придирчив».
Радостно девушка тут отвечала, невольно удвоив
Легкий шаг по тропинке, уже неприметной для взора:
«Право, надеюсь, что мне угодить им обоим удастся,
Нравом своим точь-в-точь похожу на матушку вашу,
Ну, а манер утонченность мне сызмала вовсе не диво.
Наши соседи, французы, еще недавно учтивость
Ставили выше всего. Дворянин, мещанин и крестьянин
Ею владели, стараясь другим внушить ее тоже.
Так повелось потом и у немцев, что малые дети
Утром родителям ручки целуют и делают книксен
«С добрым приветом» и день свой проводят столь же пристойно.
Всем, чему научилась, к чему сызмальства привыкла,
Я старику угождать от чистого сердца готова.
Но у кого я спрошу, как должна обходиться с тобою,
Кто, унаследовав дом, полновластным хозяином станет?»
Девушка смолкла. Они подошли тем временем к груше.
Полного месяца диск засиял на стемневшем востоке.
Ночь приближалась. Погасло последнее пламя заката.
Перед глазами у них, отделяясь резко, лежали
Полосы ясного света и сумерек черные тени.
Дружеский этот вопрос с удовольствием Герман услышал, Здесь, под навесом груши, на том же излюбленном месте, Бывшем только
недавно свидетелем тайной обиды.
Тут на скамью присесть потянуло обоих, и Герман
Милую за руку взял и сказал ей проникновенно:
«Сердцу внемли своему и веленью его повинуйся!»
Больше не смел говорить он, хоть благоприятной минута
Для объясненья казалась. И «нет» он услышать боялся,
И золотое колечко на пальце также смущало.
Так вот они и сидели в молчанье друг подле друга.
Молвила девушка вдруг: «Поглядите, как льется спокойно
Месяца полного свет, — словно день, он ясен и ярок.

Четко я в городе дальнем дворы и дома различаю.

Вон и окно под крышей, в нем каждое стеклышко видно».

«То, что ты видишь вдали, — обходительный юноша молвил,—Это наш дом, куда привести тебя собираюсь.

Ну, а под крышей окно от моей комнатухи. Быть может, Станет она твоей. Ведь такая в доме перемена.

Это пажити наши, — заутро жатва начнется,

Здесь отдыхать мы будем, — не правда ль, прекрасное место?

Но поспешим пройти виноградник и сад, погляди-ка,

Близится к нам гроза, полыхнула зарница над полем,

Туча большая заходит, — вот-вот в ней сокроется месяц».

Встали они со скамейки и в поле спустились, шагая

Вдоль колосющейся ржи, наслаждаясь прозрачностью ночи, И, в виноградник вступив, в темноту окунулись густую.

Вниз он повел ее по нетесаным плитам, лежавшим

В виде неровных ступеней вдоль крытой садовой аллеи.

Медленно шла Доротея, ему на плечо опираясь.

Призрачным светом луна сквозь листву пробиралась за ними, Тут надвинулась туча, обоих мраком окутав.

Девушке быть опорой надежной Герман старался,

Но, по ступенькам грубым идя тропой незнакомой,

Вдруг оступилась она и, ногу свихнув, пошатнулась.

Мигом догадливый парень раскинул руки и ловко

Милую перехватил, заключив осторожно в объятия.

Грудь касалась груди, и щека к щеке прикасалась.

Он изваяньем застыл, своему воспротивясь желанью.

Не прижимал ее крепче, а только удерживал тяжесть.

Чувствовал ношу свою дорогую, — биенье сердца

И аромат, исходивший из уст, в лицо ему веял,—

Тайную женскую прелесть угадывал сильный мужчина.

Все же, скрывая боль, Доротея шутливо сказала:

«Это недобрый знак, — говорят бывалые люди,—

Если оступишься ты перед самым порогом жилища.

Правду сказать, для себя я получше приметы желаю.

Дай-ка помедлим немного, не то с колченогой служанкой

Ты в представленье отца неудачным хозяином будешь».

УРАНИЯ

ПЕРСПЕКТИВА

Музы, что были доселе к чудесной любви благосклонны,

Вы, пролагавшие путь добронравному юноше, сами

Милую к сердцу его прижавшие до обрученья,

Так же усердно и впредь поспособствуйте счастьем влюбленных.

Тучи, готовые ныне его омрачить, разгоните.

Только поведайте прежде о том, что в дому происходит.

Вот уж и в третий раз поднялась в боковушку к мужчинам

Мать — в нетерпенье, в тревоге, недавно лишь выйдя оттуда, Речь завела о грозе, обещавшей вот-вот разразиться,

Долгом отсутствию сына, а также опасностях ночи

И пожурила соседей, что, с девушкой слова не молвив

И не сосватав ее, на дороге оставили сына.

«Брось, и без этого тошно, — воскликнул отец недовольный,—Видишь, и нам не сидится, все ждем не дождемся развязки».

Но продолжал сосед разглагольствовать с видом спокойным: «Вечно в минуту волненья от всей души поминаю

Добрым словом отца. Во мне, еще малом ребенке,

Нетерпеливость до корня последнего вырвать сумел он.

Вряд ли мудрейший из мудрых способен, как я, дожидаться».

«Как же, — священник спросил, — ваш родитель добился такого?»

«Что ж, расскажу вам охотно, пусть каждый запомнит на случай,—Начал аптекарь. — Однажды, мальчишкой еще, в воскресенье

Я с нетерпением большим дождался кареты, в которой

Ехать мы собирались в тот день к водоему под липы.

Где-то она задержалась, а я, как хорек, поминутно

Мчался туда и сюда, от окошка к двери метался.

Кончики пальцев зудели, столы я ногтями царапал,

Куксился, топал ногами, вот-вот разреветься готовый.

Батюшка все это видел; когда же совсем по-дурацки

Стал я себя вести, он схватил меня за руку молча,

Тихо подвел к окошку и многозначительно молвил:

«Вот погляди, сынок, на замке мастерская сегодня,

Завтра ее отопрут, и усердно пила и рубанок

Будут с зари до заката ходить, ни на миг не стихая.

Только попомни: однажды настанет урочное утро,

Мастер-столяр и его подмастерья возьмутся за дело,

Гроб для тебя приготовят, работая быстро и ловко,

Да и притащат оттуда сей дом деревянный, в котором

Вынесен будет равно терпеливый и нетерпеливый,

Чтобы покой он обрел под дубовую крышкой тяжелой».

Тотчас детскому взору представилась эта картина —

Будто сколочены доски и черною краской покрыты.

Тут, присмирив, я стал ожидать терпеливо кареты.

Если в пустом нетерпенье другие кругом суетятся,

Лица перекосив, я сейчас же гроб вспоминаю».

Пастор с усмешкой сказал: «Не смущается образом смерти

Мудрый, и для людей добродетельных смерть — не кончина: Первого к жизни она зовет, в нем дух укрепляя,

А у второго в душе пробуждает веру в спасенье.

Жизнью для них, для обоих, становится смерть, и напрасно

В смерти на смерть указал егوزه-мальчугану родитель.

Юноше ты покажи благородную, светлую старость,

Старости — юность живую, чтоб вместе они любовались

Круговоротом извечным, и жизнь восполнялась бы жизнью».

Тут отворилась дверь, и возникла чудесная пара,

И удивились друзья, удивились родители тотчас,

Видя, что облик невесты с обличьем юноши сходен.

Низкой дверь показалась, когда на пороге явились

Оба они, выделяясь сложеньем и ростом высоким.

Девушку Герман представил родителям с речью крылаток: «Гляньте, она перед вами! Такую вы в доме хотели!

Батюшка, будьте к ней добры, ведь девушка этого стоит!

Матушка, вы о хозяйстве немедля ее расспросите

И убедитесь, как близко вы сходитесь с нею во вкусах».

Пастора Герман тотчас отозвал в сторонку и молвил:

«Достопочтенный муж, помогите осилить заботу —

Узел распутать тугой, пред которым я немощён, ибо

С девушкой не объяснился; напротив, она полагает,

Что не хозяйкой в доме ей стать суждено, а служанкой.

Вот и страшусь, чтоб она не ушла, о женитьбе услышав.

Нужно все это распутать. Ее заблужденья не вправе

Длить мы так долго, и мне неизвестность уже нестерпима.

Так поспешите и тут показать свою мудрость, которой

Славитесь вы!» И священник готов был к ней обратиться, Только отец, к сожаленью, успел словами своими

Девушки душу смутить. Отозвался он с видом веселым,

В доброжелательном смысле, хоть с легким оттенком лукавства: «Это недурно, мой мальчик! Я, знаешь ли, рад, что у сына

Вкус такой же отменный, каким отец отличался!

Лучшую он всегда приглашал на танцах и после

Лучшую в жены избрал — драгоценную маменьку нашу.

Ибо тотчас по невесте узнаешь, каков и мужчина,—

Многого ль стоит он сам и себе ли знает он цену.

Только, сдается, и вы не изволили медлить решением.

Парень таков, что за ним не грешно увязаться, ей-богу».

Германа эти слова между тем мимолетно коснулись.

Весь он затрепетал, а кругом наступило молчанье.

Но издевательской речь показалась девушке гордой,
И глубоко оскорбленье ей в душу проникло. Румянец
Залил ей щеки, да так, что розовым стал и затылок;
Мигом собой овладев и мгновенно взяв себя в руки,
Так старику она отвечала, скрывая обиду:
«Встречи иной ждала я, наслушавшись вашего сына,
Он выставлял мне отца человеком с душой благородной;
Вот и стою перед вами, пред мужем бывалым, который
С каждым умеет умно обходиться и с каждым любезен.
Кажется мне, что не слишком шевелится в вас состраданье
К бедной, ступившей на этот порог, чтоб служить вам на совесть.
Разве иначе вы стали б указывать с горькой насмешкой, Как далека моя доля от вашей и вашего сына.
Что ж, я и вправду бедна, — с узелком небольшим я вступаю
В дом, что, как полная чаша, любое порадует сердце.
Я себя знаю отлично и чувствую все обхожденье.
Так благородно ль, скажите, язвить меня речью такою,
Чтобы, ступив на порог, я уже собиралась из дому?»
Живо священнику Герман кивнул, его приглашая
В дело вмешаться немедля и тем отвести заблужденье.
Выступил пастор вперед и, увидя тихое горе
Девушки, тайную скорбь и в глазах заблиставшие слезы, Мысленно он решил этот узел распутать не сразу,
А наперед изведать смятенное девичье сердце.
К ней обратился теперь с испытующей речью священник:
«Да, чужеземка, видать, опрометчиво ты поступила,
Если к чужим наняться в служанки так скоро решилась,
Это ведь значит во всем подчиняться воле господской.
Ибо удар по рукам предрешает судьбу твою на год.
Вымолвив «да», обрекаешь себя на многое этим.
Хлопоты и беготня ведь не самое трудное в службе,
Да и не горький пот повседневных трудов неустанных,
Так как с рабом заодно и свободный усердствует в доме.
Но господина причуды сносить, когда он не в духе
И беспричинно бранит, то за тем, то за этим гоняя,
И раздраженье хозяйки, тревожимой малостью всякой,
Дерзость господских ребят и назойливость их и проказы — Вот что терпеть нелегко, да при этом изволь поскорее
Все выполнять, что прикажут, не жалуясь, не огрызаясь.
Только, мне кажется, ты не годишься для этого, если

Шуткой простою отцовской задета. А могут, пожалуй,

Девушку день-деньской донимать, что ей кто-то по нраву».

Так заключил он. Дослушав священника меткое слово,

Девушка больше скрывать не могла закипевшее чувство.

Грудь молодая от тяжкого вздоха затрепетала,

И возразила она, проливая горячие слезы:

«О, невдомек тебе, рассудительный муж, что советом

Горе унять желаешь, сколь немощно слово, чтоб душу

Освободить от страданий, доставшихся ей ненароком.

Веселы вы и довольны: не может вас шутка затронуть!

Но ведь больному несносно и легкое прикосновенье,—

Нет, здесь ничто не поможет, хотя б удалось мне притворство, Пусть же раскроется то, что вдвойне бы терзало позднее, Может быть, сердце мое истомив затаенным страданьем.

Дайте мне с миром уйти! Я у вас не могу оставаться!

Я удалюсь и пойду бедняков разыскивать, коих

В горе покинуть решилась, за лучшей долей погнавшись.

Воля моя тверда, и поэтому можно признаться

В том, что иначе бы в сердце скрывалось долгие годы.

Да, я насмешкой отца оскорбилась: тому не причина

Гордость моя иль зазнайство, что вовсе служанке некстати, Но неожиданно склонность в душе у меня пробудилась

К юноше, мне на дороге представшему как избавитель.

С ним разминувшись впервые на пыльном и знойном проселке, Думала я о нем и той счастливой, что к сердцу

Он прижимает, быть может, ее называя невестой.

Снова встретившись с ним у колодца, такою была я

Радостью светлой полна, будто наземь сошел небожитель, Тотчас, по первому слову, в служанки пойти согласилась.

Все же себя надеждой я льстила (и в этом признаюсь),

Что заслужить мне удастся со временем счастье, быть может, Если я сделаюсь в доме опорой необходимой.

Только впервые, увы, мне открылась опасность, которой

Я бы подверглась, живя бок о бок с тайно любимым.

Только теперь убедилась, что наипрекраснейшей даже

Девушке бедной не пара богатый юноша. Это

Я говорю к тому, чтобы сердце мое вы узнали:

Случай обидел меня, но ему я обязана зреньем.

Что бы пришлось пережить мне, исполненной тайной надежды, Если б когда-нибудь в дом он привел иную невесту?

Разве б смогла я тогда сокровенное вынести горе?

Случай меня остерег, и случай вырвал из сердца

Это признание, покуда несчастье еще отвратимо.

Все я сказала! И дольше меня ничто не удержит

В доме, где я стою перед вами в стыде и в смущенье,
Высказав тайную склонность и глупые эти надежды.
Да, ни крошечная ночь, заволокшая тучами небо,
Ни грохотание грома (я слышу его), ни жестокий
Ливень, хлещущий в стекла, ни вой разгулявшейся бури
В доме меня не удержат. К лишениям давно я привыкла
В бегстве печальном, всечасно спасаясь от вражьей погони.
Снова скитаться пойду, как меня в эти дни приучило
Вихревертенье событий, со всем дорогим расставаясь.
Время идти! Прощайте! Уж, видно, мне доля такая!»
Это сказала она и поспешно направилась к двери,
Узел, с которым пришла, сиротливо к себе прижимая.
Но, обхватив ее руками обеими, быстро
Загородив ей путь, изумленная мать закричала:
«Девушка, что это значит? К чему напрасные слезы?
Нет, я тебя не пущу! Ты — невеста любимому сыну!»
Только отец, не в пример добросердной жене, рассердился, Девушке плачущей он недовольно молвил, вставая:
«Вот благодарность, какую имею теперь за потворство,
Мне в довершенье всего отплатили самым несносным.
Нет ничего для меня нестерпимей, чем женские слезы.
Взбалмошный крик, пересуды со всей суетней бестолковой
Там, где с умом небольшим все можно уладить без шума.
Мне на такой ералаш и глядеть надоело, признаться.
Сами кончайте, а я удалюсь... Мне спать захотелось!»
Он повернулся и быстро пошел, направляясь в покои,
Где почивать обычно привык на супружеском ложе.
Но удержал его сын, умоляющим голосом молвив:
«Батюшка, стойте, не надо на девушку гневаться, ибо
Грех лишь на мне одном за эту неразбериху,
Что усугубил нежданно наш друг притворством умелым.
Достопочтенный муж, говорите! На вас полагаюсь!
Страха и скорби не длите! Кончайте дело скорее!
К вам не смогу относиться с таким уваженьем в дальнейшем, Если замените мудрость обычную вашу злорадством».
Но, улыбаясь, ответил на это достойный священник:
«Чья бы мудрость могла столь чудесное вызвать признание
Девушки этой и нам полней раскрыть ее душу?
Разве забота твоя не восторгом теперь обернулась?
Сам говори! Для чего доверять объясненье другому!»

Выступил Герман тогда и с волнением и нежностью начал: «Не сожалею о слезах и печали своей мимолетной.

Ими скрепляется счастье мое и твое, я надеюсь!

Нет, не в служанки нанять чужестранную девушку шел я

Давеча, друг мой, к колодцу, — пришел я любви домогаться.

Только, увы, смущенный мой взор был не в силах проникнуть

В тайну души твоей. Он одно дружелюбие заметил,

Встретясь с твоим, отраженным зеркальной водою колодца.

В дом тебя привести половиной счастья мне было,—

Ты довершаешь его! Так будь же моей нареченной!»

Девушка, тронута этим, на юношу молча глядела,

Не отклоняя горячих объятий и поцелуев,

Радость венчающих, если желанной порукою служат

Счастья, которому нету предела, как мнится влюбленным.

Все объяснил остальным тотчас же священнослужитель.

Девушка вышла вперед, с грациозным поклоном целуя

Руку отца, что поспешно отдернул старик, и сказала:

«Право, должны вы простить изумленной тем, что случилось, Прежние слезы печали и эти счастливые слезы.

Первый порыв мне простите, меня не судите сурово,

Дайте хоть свыкнуться с этим на долю мне выпавшим счастьем!

Первая смута, в которой я, сбитая с толку, повинна,

Пусть она будет последней. К чему обязалась служанка

Верой и правдой служить — я исполнить, как дочь, обещаюсь!»

Обнял ее отец, умиления слезы скрывая.

Добрая мать подошла и порывисто расцеловала.

Крепко за руки взявшись, две женщины плакали молча.

Быстро священнослужитель сперва с отцовского пальца

Стаскивать начал кольцо обручальное (было, однако,

Трудно его протащить чрез опухший сустав стариковский), После у матери снял он кольцо и, детей обручая,

Молвил: «Еще раз да будут заветные кольца залогом,

Прочно скрепляющим этот союз, столь похожий на старый.

К девушке юноша этот проникнут любовью глубокой.

Да и она заверяет — ей по сердцу юноша этот,

И потому обручаю и благословляю вас ныне

С воли родителей ваших, в присутствии верного друга».

Тут, поклонившись, аптекарь тотчас им принес поздравленье.

Но, надевая кольцо золотое на палец невесты,

Пастор, весьма изумясь, увидал на руке и другое,

То, что еще у колодца ревниво Герман заметил.

И с дружелюбною шуткой к ней пастор тогда обратился:

«Как! Обручиться вторично ты хочешь? Смотри, чтобы первый

Суженый твой не пришел к алтарю с укоризненным словом!»

Но отвечала она: «О, позвольте мне на мгновенье

Воспоминаньям предаться. Их, право, достоин тот добрый, Что на прощанье вручил мне кольцо и ушел безвозвратно.

Все он предвидел, когда, вдохновленный любовью к свободе, Жаждой подвигов полный во имя всеобщего счастья,

Он поспешил в Париж, где нашел темницу и гибель.

Молвил он: «Счастлива будь! Я иду, ибо нынче на свете

Все пошатнулось и, мнится, готово на части распасться.

Рушатся наисильнейших держав вековые устои.

Древних владений лишен господин старинный и с другом

Друг разлучен, так пускай и любовь расстается с любовью.

Здесь я тебя покидаю, а где мы увидимся снова —

Бог весть! Быть может, меж нами последнее молвлено слово.

Прав, кто сказал: «Человек на земле злополучный пришелец».

Больше пришельцем теперь чем когда-либо сделался каждый.

Стали не нашими земли, сокровища прочь уплывают,

Золото и серебро меняют чекан стародавний,

Все в небывалом движенье, как будто бы впрямь мирозданье

В хаос желает вернуться, чтоб в облике новом воспрянуть.

Сердце храни для меня, и ежели встретимся снова

Мы на развалинах мира, то будем с тобой существами

Перерожденными, коим судьба не предпишет законов,—

Что законы тому, кто в такую минуту родился?

Если ж не сбудется так, что напасти счастливо избегнем

И упадем, повстречавшись, с восторгом друг другу в объятья,—То сохрани, дорогая, в душе мой трепетный образ,

Чтобы равно приготовить себя и к веселью и к скорби;

Если ж на новое место и к людям новым потянет,

Благодари провиденье за то, что оно ниспослало.

Любящих ты возлюби и ответствуй на доброе добрым!

Но и тогда осторожно ступай своей легкой стопою,

Ибо удвоенной болью тебе угрожает утрата.

Каждый свой день славословь, но запомни, что жизнь не ценнее

Всякого блага иного; обманчиво каждое благо».

Так он сказал и навеки ушел от меня, благородный.

Все потеряв, эту речь вспоминала я тысячекратно.

Ну, и теперь вспоминаю, когда любовь мне готовит

Новое счастье и светлой надеждой меня окрыляет.

Не обижайся, мой друг, что, на руку твою опираясь,

Все ж я дрожу! Мореходу, вступившему на берег, мнится, Будто под ним и земля продолжает еще колыхаться».

С первым кольцом по соседству второе она уместила.

И отозвался жених, благородным волненьем согретый:

«Тем неразрывней да будет теперь при смятенье всеобщем

Наш, Доротея, союз! И верно и крепко мы будем

Друг за друга держаться, добро отстаивать наше.

Тот, кто во дни потрясений и сам колеблется духом,

Множит и множит зло, растекаться ему помогая.

Тот же, кто духом незыблем, тот собственный мир создает.

Нет, не германцу пристало ужасное это движенье

Продолжать и не ведать — сюда иль туда повернуться.

«Наше — это!» — должны мы сказать и отстаивать твердо.

Ведь и поныне еще восхваляют решимость народов,

Грудью вставших за право и честь, за родных и за близких, Хоть и костями полегли храбрецы, от врага отбиваясь.

Ты, Доротея, моя; и мое отныне навечно

Будет моим! И бесстрашно его я приму под защиту —

С доблестью мужа. И если теперь иль, быть может, в грядущем

Станет нам враг угрожать, ты сама вручи мне оружие.

Буду я знать, что блюдешь ты мой дом и родителей милых.

О, я с отвагой тогда неприятелю выйду навстречу.

Если б так думали все, то сила сравнялась бы с силой

И долгожданный мир нас всех бы обрадовал вскоре».

Комментарии

Поэма была написана с удивительной для Гете быстротой: первые шесть песен — с 11 по 19 сентября 1796 года, последние — между 2 и 15 марта 1797 года. В октябре 1797 года поэма вышла из печати в виде «Карманной книги на 1798 г.». В 1808 году Гете включил «Германа и Доротею» в том 10 своего первого Собрания сочинений. Поэма сразу стала одним из популярнейших и наиболее читаемых произведений Гете. Уже первый издатель ее Ф. Фивег выпустил ее в пяти разных видах, включая и одно «роскошное» издание. При жизни поэта было напечатано после этого тринадцать изданий. Наряду с первой частью «Фауста» поэма имела наибольшее количество почитателей.

Высокого мнения о поэме был Ф. Шиллер, видевший в ней осуществление принципов веймарского классицизма, разработанных им вместе с Гете. Художественные основы эпической поэмы как жанра обсуждались Гете и Шиллером в их переписке, на основе чего Гете сформулировал теорию поэтических родов в статье «Об эпической и драматической поэзии».

Сюжет поэмы не был вполне оригинальным. Гете заимствовал фабулу из брошюры «Деятельная любовь Геры к зальцбургским эмигрантам» (1732), в которой рассказывалось об изгнании католиками лютеран из австрийского города Зальцбурга. Среди пострадавших была девушка, судьба которой подсказала образ Доротеи. Однако поэт перенес время действия в более близкие годы — в период французской революции, когда Гете сам наблюдал бегство населения из областей, захваченных войной между республикой и феодальными монархами. Объясняя замысел поэмы, Гете писал своему другу Майеру: «Я пытался отделить в эпическом тигле чисто человеческие стороны в укладе маленького немецкого городка от его шлаков и вместе с тем стремился к тому, чтобы отразить в маленьком зеркале великие движения и изменения мирового театра» (5 декабря 1796 г.).

В «Германе и Доротею» резко противопоставлены хаос, возникший в результате буржуазной революции, и мирное житье немецкого провинциального городка. В шестой песни один из эмигрантов, судья, рассказывает о том, что сначала весть о французской революции была встречена в близлежащих к Франции землях с радостью, ибо в ней видели надежду на осуществление великих идеалов свободы и равенства. «Вскорости небо затмилось...» Приход французских войск привел к важным переменам, но переворотом воспользовались темные силы, поднялась волна эгоизма, стяжательства, насилия. Все это усугубилось, когда потерпевшие поражение французы стали отступать. Отступая, они сеяли вокруг разрушение и смерть.

В противоположность этой ужасающей картине жизнь глубокой немецкой провинции, стоящей в стороне от роковых событий, нарисована Гете в идиллических тонах. Он, правда, признавался в цитированном выше письме, что отделил в немецкой жизни «чисто человеческие стороны» от «шлаков», но на самом деле до некоторой степени идеализировал патриархальный мещанский быт. Не удивительно поэтому, что революционные деятели середины XIX века оценивали «Германа и Доротею» как апологию мещанства. И действительно, не приходится отрицать, что консервативные элементы мировоззрения Гете сказались в поэме с большой силой.

Было бы, однако, неверно ограничиться такой оценкой поэмы. Гений Гете проявил себя и в этом произведении, которое двойственно по своей природе, как и многое другое, созданное великим поэтом. Германия была в ту пору страной, в которой господствовали феодально-дворянские порядки, но героями поэмы являются не представители господствующего сословия, а бюргеры, горожане, люди непривилегированные. В этом смысле поэма Гете была и антидворянской и демократической, и за это она была высоко оценена современниками, той средой, которая впервые увидела себя изображенной в столь благоприятном свете. Маленькие люди изображены Гете как носители лучших человеческих качеств: добра, стремления к справедливости, любви, отзывчивости и деятельного человеколюбия. «Герман и Доротея» выражает, в сущности, те же взгляды, что и драмы, посвященные Великой французской революции, — «Великий Кофта», «Гражданин генерал», «Внебрачная дочь». Более того, по сравнению с драмами «Герман и Доротея» особенно полно выражает положительные идеалы Гете в период веймарского классицизма.

Поэма написана гекзаметром, классическим стихом древнего эпоса. Здесь он особенно приспособлен к тому, чтобы передать живую повседневную речь. Обладая вместе с тем поэтической возвышенностью, речи персонажей сохраняют всю живость интонаций. Гете свел действие к одному дню, чем выполнил требование классицизма о единстве времени. Правда, благодаря рассказам персонажей, рамки действия расширяются, позволяя вспомнить события, происходившие раньше.

Желая подчеркнуть следование античным образцам, Гете поставил в заглавии каждой из песен имя одной из девяти греческих муз — покровительниц разных видов искусства. Каллиопа — муза эпической поэзии, Терпсихора — муза танцев, Талия — муза комедии, Эвтерпа — муза лирики, Полигимния — муза серьезных песнопений, Клио — муза истории, Эрато — муза любовной поэзии, Мельпомена — муза трагедии, Урания — муза астрономии, часто отождествляемая с мудростью. Имена муз предопределяют характер содержания каждой из песен. Так поступали греческие поэты, начинавшие свои песни с обращения к музе, покровительнице данного рода поэзии.

... в пестрых индийских цветах... — Имеются в виду ткани с индийской расцветкой, ввозимые Англией из ее колонии Индии.

... в легкой коляске (ландауской чистой работы). — Такие коляски, широко применявшиеся в Европе, получили наименование «ландо», по французскому произношению названия немецкого города (Landau).

Памина и Тамино — персонажи оперы Моцарта «Волшебная флейта».

... на манер иноземный... — К числу «иноземных» в тогдашней раздробленной Германии принадлежали и близлежащие немецкие княжества.

... Мангейм, где царят прямизна и опрятность. — После полного разрушения Мангейма в 1669 г. французскими войсками его отстраивали, вытянув улицы по прямой линии, в результате чего он оказался состоящим из одинаковых четырехугольных кварталов. Описанные далее новый город, канализация и дорога были во времена Гете образцовыми.

Гляньте на новый дом... — Комментатор Гете А. Г. Габричевский обратил внимание на то, что в речи аптекаря отмечена смена архитектурных стилей: зеленый дом напротив с белую вязью по стенам построен еще в стиле начала XVIII в. — рококо; сад, описываемый

далее, еще более строго стилия — барокко, тогда как новый стиль отличается строгой простотой (предвестие классицизма).

«Мускатель», «гугедель» — сорта винограда.

Гражданин мира. — Определение относится к судье, прибывшему из другой страны, но и здесь утверждающему правила и законы человечности, общие для всех людей и в любых условиях. См. его речь в конце песни.

Август — римский император Август-Октавиан (I в. н. э.).

«...с Навином беседую иль Моисеем». — Пастор сравнивает своего собеседника — судью, который вел беглецов, с Моисеем и Иисусом Навином, которые вели иудеев, изгнанных из Египта.

И отвечал на это судья... — Речь судьи начинает ту характеристику эпохи французской революции, которая подробнее развита в следующей песни.

Кто ж отрицать посмеет, что сердце его всколыхнулось... — Следующая речь судьи содержит рассказ об умонастроении немцев западных, рейнских, областей. Жители их с энтузиазмом встретили весть о революции, ожидая от нее осуществления своих надежд на создание справедливых порядков. Когда французские республиканские войска заняли Майнц, в нем были введены законы республики, местные якобинцы взяли власть в свои руки и стали вводить новые порядки, но их власть была недолгой.

...о великих правах человека... — Имеется в виду «Декларация прав человека и гражданина», провозглашенная французской буржуазной революцией 1789 г.

Столица вселенной. — То есть Париж, центр революции. Древо Свободы. — Следуя культу природы Жан-Жака Руссо, республиканцы ввели обычай в честь своей победы торжественно сажать Дерево Свободы.

Вскорости небо затмилось. — Имеется в виду введение Революционного трибунала в Майнце 9 марта 1793 г. и начало якобинского террора против сторонников феодальных порядков и тех, кто подозревался в сочувствии им (так называемый «закон о подозрительных»). Некоторые темные элементы пользовались этим для сведения счетов и обогащения. Однако картина, нарисованная здесь Гете, основана в значительной мере на преувеличениях и вымысле контрреволюционной пропаганды. Хотя эксцессы имели место, в целом недолгое республиканское правление в Майнце было отмечено прежде всего отменой феодальных порядков и утверждением новых гражданских законов. Хаос и анархия начались после контрнаступления объединенных войск немецких феодалов и дворянских эмигрантов из Франции.

Только тогда нам на плечи вся тяжесть войны и свалилась. — В начале 1794 г. австро-пруссские войска вытеснили французов из Майнца. Началась расправа над сторонниками республики. Об этом Гете умалчивает, более того, в уста судьи вложены слова о бесчинствах отступавших французов, но ни слова об ответном терроре феодальных сил. В мае 1794 г. французские войска снова заняли Майнц и прирейнскую область. Комиссары Конвента сурово обошлись с теми, кто учинил расправу над их сторонниками. Огромная контрибуция, наложенная ими на население, вызвала Эмиграцию, описанную в поэме Гете.

Тут я позволю себе рассказать о прекрасном поступке... — Описание подвига героини заимствовано Гете из повести о зальцбургских эмигрантах и перенесено в период французской оккупации прирейнских областей.

Кнастер (канастер) — хороший сорт южноамериканского табака, доставлявшийся в специальных корзинах, «канастрах».

...Стала бы дочерью вместо утраченной в прежние годы. — Это единственное упоминание о том, что в семье Германа была еще дочь.

...И, Доротею они обнимая... — Первое упоминание имени героини. До сих пор она не называлась по имени.

Музы, что были доселе к чудесной любви благосклонны... — Традиционное воззвание к музам, принятое в античной поэзии, впервые применено Гете лишь в конце поэмы.

А. Аникст

Примечания

1 «Тебя, господи» (лат.) — начальные слова молитвы.